

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский

В современной русской литературе журнал совершенно убил книгу. Между разным балластом, все-таки только в журналах, – разумеется, лучших (которых так немного), – можно встретить более или менее замечательные произведения по части изящной литературы. Сюда должно отнести еще сборники, или альманахи: в лучших из них тоже попадаются иногда хорошие пьесы[1]. Но хорошая книга теперь истинная редкость, так что критикам и рецензентам ex officio[2] приходится хоть совсем не упоминать о книгах и вместо их разбирать вновь выходящие книжки журналов и даже листки газет. Тем большее внимание должна обращать критика на всякую книгу, сколько-нибудь выходящую из-под уровня посредственности. Нечего и говорить, что появление книги, которая слишком далеко выходит из-под этого уровня, должно быть истинным праздником для критики. К таким редким книгам принадлежит «Тарантас» графа Соллогуба. Несмотря на то, что из двадцати глав, составляющих это произведение, целых семь глав были напечатаны в «Отечественных записках» еще в 1840 году, «Тарантас» – столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше. Семь глав «Тарантаса», давно уже известных публике, давали понятие только о достоинстве целого произведения, а не о идее его, прекрасной и глубокой, которую можно понять только по прочтении всего сочинения, проникнутого удивительною целостностью и совершенным единством. Многие видят в «Тарантасе» какое-то двойственное произведение, в котором сторона непосредственного, художественного представления действительности превосходна, а сторона воззрений автора на эту действительность, его мыслей о ней будто бы исполнена парадоксов, оскорбляющих в читателе чувство истины. Подобное мнение несправедливо. Те, кому оно принадлежит, не довольно глубоко вникли в идею автора, и объективную верность, с какою изобразил он характер одного из героев «Тарантаса» – Ивана Васильевича, приняли за выражение его личных убеждений, тогда как на самом деле автор «Тарантаса», столько же может отвечать за мнения героя своего юмористического рассказа, сколько, например, Гоголь может отвечать за чувства, понятия и поступки действующих лиц в его «Ревизоре» или «Мертвых душах». Между тем ошибочный взгляд лучшей части читателей на «Тарантас» очень понятен: при первом чтении может показаться, будто бы автор не чужд желания, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, через Ивана Васильевича, некоторые из своих воззрений на русское общество, – и тем легче увлечься подобным ошибочным мнением, что необыкновенный талант автора и его мастерство живописать действительность лишают читателя способности спокойно смотреть на картины, которые так быстро и живо проходят перед его глазами. Мы сами на первый раз увлеклись резким противоречием, которое находится между этими беспрестанно сменяющимися и беспрестанно поражающими новым удивлением картинами, и между странными – чтоб не сказать, нелепыми мнениями Ивана Васильевича. Это заставило нас забыть, что мы читаем не легкие очерки, не силуэты, а произведение, в котором характеры действующих лиц выдержаны художественно и в котором нет ничего произвольного, но все необходимо проистекает из глубокой идеи, лежащей в основании произведения. Таким образом берем назад свое выражение в рецензии о «Тарантасе» (в 4-й книжке «Отечественных записок»), что в нем вместе с дельными мыслями, много и парадоксов. {1} Только в XV и XVI-й главах автор «Тарантаса» говорит с читателем от своего лица; и вот – кстати заметить – эти-то главы больше всего сбивают читателя с толку, раздвоя в его уме произведение графа Соллогуба и ужасая его множеством страшных парадоксов. Но мы не скажем, чтоб это были парадоксы: это скорее мнения, с которыми нельзя согласиться безусловно и которые вызывают на спор. Последнее обстоятельство дает им полное право на книжное существование: с чем можно спорить и что стоит спора, – то имеет право быть написанным и напечатанным. Есть книги, имеющие удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, с которою читатель вполне соглашается; и, наоборот, есть книги, которые имеют еще более удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностью их направления с его убеждениями; они служат для читателя проверкою его собственных верований, потому что, прочитав такую книгу, он или вовсе отказывается от своего убеждения, или умеряет его, или, наконец, еще более в нем утверждает. Такой книге охотно можно простить даже и парадоксы, тем более, если они искренны и автор их далек от того, чтоб подозревать в них парадоксы. Вот другое дело – парадоксы умышленные, порожденные эгоистическим желанием поддаться вопиющую ложь в пользу касты или лица: такие парадоксы не стоят опровержения и спора; презрительная насмешка – единственное достойное их

Не будем пускаться в исследования – к какому роду и виду поэтических произведений принадлежит «Тарантас». В наше время, слава богу, признается в мире изящного только один род – хороший, запечатленный талантом и умом, а обо всех других родах и видах теперь никто не заботится. Наше время вполне принимает глубоко мудрое правило Вольтера: «все роды хороши, кроме скучного». Но мы, в отношении к этому правилу, гораздо последовательнее самого Вольтера, который противоречил своему собственному принципу, держась преданий и поверий французского псевдоклассицизма. К правилу Вольтера: «все роды хороши, кроме скучного» наше время настоятельно прибавляет следующее дополнение: «и несовременного», – так что полное правило будет: «все роды хороши, кроме скучного и несовременного». Поэтому мы, если не признаем безусловно хорошим всего, что имело огромный успех в свое время, то во всем этом видим хорошие стороны, смотря на предмет с исторической точки. Вследствие этого, удивляясь великим гениям Данте, Шекспира, Сервантеса, наше время не отрицает заслуг Корнеля, Расина и Мольера; не становясь на колени перед Ломоносовым, Державиным, Озеровым, Карамзиным, не видя в них слишком многого для себя собственно, – тем с не меньшим уважением произносит имена их, как людей, которых творения, в их время, были современно хороши, то есть удовлетворяли потребностям их современников. Чисто художественная критика, не допускающая исторического взгляда, теперь никуда не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений; но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас. Поэтому теперь посредственно художественное произведение, но которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы искусства. Вообще наш век – век рефлексии, мысли, тревожных вопросов, а не искусства. Скажем более – наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем. Как во все критические эпохи, эпохи разложения жизни, отрицания старого при одном предчувствии нового, – теперь искусство – не господин, а раб: оно служит посторонним для него целям.

Мы сказали, что «Тарантас» графа Соллогуба – произведение художественное; но к этому должны прибавить, что оно в то же время и современное произведение, – что составляет одно из важнейших его достоинств, которому обязано оно своим необыкновенным успехом. Следовательно, «Тарантас» – художественное произведение в современном значении этого слова. Оттого в него вошли не только рассуждения между действующими лицами, но и целые диссертации. Оттого оно – не роман, не повесть, не очерк, не трактат, не исследование; но то и другое и третье вместе. Пусть называет его каждый как кому угодно: тут дело в деле, а не в названии. «Тарантас» имел большой успех: его не только раскупили и прочли в короткое время, но одним он очень понравился, другим очень не понравился, третьим очень понравился и очень не понравился в одно и то же время; одни его хвалят без меры, другие бранят без меры, третьи и хвалят и бранят вместе; автор через него приобрел себе и друзей и врагов; о его произведении говорят, судят и спорят. Это успех! По нашему мнению, незавиден успех произведения, которое возбудило бы одни похвалы, одну любовь, без порицаний, без ненависти; подобный успех немногим лучше полного неуспеха, то есть когда произведение возбуждает одну брань без похвалы, – хотя то и другое все-таки лучше, нежели не возбудить ни похвалы, ни брани, а встретить одно равнодушное невнимание.

Этот-то необыкновенный успех «Тарантаса» и налагает на критику обязанность – рассмотреть его внимательно, со всех сторон. Для этого необходимо проследить все развитие этого произведения, беспрепятственно выражаясь словами автора или прибегая к выпискам. Такой способ критики несколько не опасен для «Тарантаса» как книги: он упредил нашу статью слишком тремя месяцами, а в это время его уже везде прочли, и едва ли найдется хотя один читатель, который прочел бы нашу статью, еще не успев прочесть «Тарантаса».

Русская литература, к чести ее, давно уже обнаружила стремление быть зеркалом действительности. Мысль изобразить в романе героя нашего времени не принадлежит исключительно Лермонтову. Евгений Онегин тоже – герой своего времени; но и сам Пушкин был упрежден в этой мысли, не будучи никем упрежден в искусстве и совершенстве ее выполнения. Мысль эта принадлежит Карамзину. Он первый сделал не одну попытку для ее осуществления. Между его сочинениями есть неконченный, или, лучше сказать, только что начатый роман, даже и названный «Рыцарем нашего времени». Это был вполне «герой того времени». Назывался он Леоном, был красавец

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru и чувствительный мечтатель. «Любовь питала, согревала, тешила, веселила его; была первым впечатлением его души, первою краскою, первою чертою на белом листе ее чувствительности». Он и родился не так, как родятся нынче, а совершенно романически, совершенно в духе своего времени. Судите сами по этому отрывку: «На луговой стороне Волги, там, где впадает прозрачная река Свияга, и где, как известно по истории Натальи, боярской дочери, жил и умер изгнанником невинный боярин Любо-славский, – там, в маленькой деревеньке, родился прадед, дед, отец Леонов, там родился и сам Леон, в то время когда природа, подобно любезной кокетке, сидящей за туалетом, убиралась, наряжалась в лучшее свое весеннее платье; белилась, румянилась... весенними цветами; смотрелась в зеркало... вод прозрачных, и завивала себе кудри... на вершинах древесных – то есть в мае месяце, и в самую ту минуту, как первый луч земного света коснулся до его глазной перепонки, в ореховых кустах запели вдруг соловей и малиновка, а в березовой роще закричали вдруг филин и кукушка: хорошее и худое предзнаменование! по которому осьмидесятилетняя повивальная бабка, принявшая Леона на руки, с веселою усмешкою и с печальным вздохом предсказала ему счастье и несчастье в жизни, ведро и ненастье, богатство и нищету, друзей и неприятелей, успех в любви и рога при случае». Этого слишком достаточно, чтоб показать, что Карамзин имел бы полное право своего «Рыцаря нашего времени» назвать «Героем нашего времени». В повести «Чувствительный и холодный» (два характера) Карамзин в лице своего Эраста тоже изобразил одного из героев своего времени. В юмористическом очерке «Моя исповедь» представил он еще одного из героев своего времени, хотя и совсем в другом роде, нежели в каком были его Леон и Эраст. После Онегина и Печорина в наше время никто не брался за изображение героя нашего времени. Причина понятна: герой настоящей минуты – лицо в одно и то же время удивительно многосложное и удивительно неопределенное, тем более требующее для своего изображения огромного таланта. Сверх того наша современность кипит необыкновенным разнообразием героев: в этом отношении Чичиков, как приобретатель, не меньше, если еще не больше Печорина – герой нашего времени. И потому вся современная русская литература, по необходимости приняв исключительно юмористическое направление, устремилась на изображение героев современности, смотря по силе и средствам таланта каждого писателя. Иван Васильевич, герой «Тарантаса», – тоже один из героев нашего времени. Он до того мелок и ничтожен, что автор не мог рисовать его серьезно и с первого же раза выводит его смешным: явный знак, что это один из второстепенных героев нашего времени. Но в то же время нельзя не вменить графу Соллогубу в большую заслугу, что он именно Ивана Васильевича, а не другого какого-нибудь героя, выбрал для своего юмористического карандаша, потому что современная действительность кипит такими героями, вернее сказать, кишит Иванами Васильевичами.

Что такое Иван Васильевич? – Это нечто вроде маленького дон-Кихота. Чтоб объяснить отношения Ивана Васильевича к настоящему, к большому, к испанскому дон-Кихоту, надо сказать несколько слов о последнем. Дон-Кихот – прежде всего прекраснейший и благороднейший человек, истинный рыцарь без страха и упрека. Несмотря на то, что он смешон с ног до головы, внутри и снаружи, – он не только не глуп, но, напротив, очень умен; мало этого: он истинный мудрец. Потому ли, что такова уже натура его, или от воспитания, от обстоятельств жизни, – но только фантазия взяла у него верх над всеми другими способностями и сделала из него шута и посмещице народов и веков. От чтения вздорных рыцарских сказок у него, по русской пословице, ум за разум зашел. Живя совершенно в мечте, совершенно вне современной ему действительности, он лишился всякого такта действительности и вздумал сделаться рыцарем в такое время, когда на земле не осталось уже ни одного рыцаря, а волшебникам и чудесам верила только тупая чернь. И он свято выполнил свой обет – защищать слабых против сильных, остался верен своей воображаемой Дульцинее, несмотря на все жестокие разочарования, которым подвергла его совсем нерыцарская действительность. Если б эта храбрость, это великодушие, эта преданность, если б все эти прекрасные, высокие и благородные качества были употреблены на дело, во-время и кстати, – дон-Кихот был бы истинно великим человеком! Но в том-то и состоит его отличие от всех других людей, что сама натура его была парадоксальная, и что никогда не увидел бы он действительности в ее настоящем образе и не употребил бы кстати, во-время и на дело богатых сокровищ своего великого сердца. Родись он во времена рыцарства, – он, наверное, устремился бы на уничтожение его, и если бы узнал о существовании древнего мира, стал бы корчить из себя грека или римлянина. Но как не было уже и следов рыцарства, когда он родился, то рыцарство сделалось точкою его помешательства, его idee fixe.[3] Когда ему случалось выходить на минуту из этой мысли, он удивлял всех своим умом, здравому смыслу, говорил как мудрец. Даже когда мистификация сильных людей осуществила мечты его рыцарских

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
стремлений, – он, в качестве судьи, обнаружил не только великий ум, но даже мудрости. И между тем, в сущности, он тем не менее был сумасшедший, шут, помешанец людей... Мы не беремся примирить это противоречие; но для нас ясно, что такие парадоксальные натуры не только не редки, но даже очень часты везде и всегда. Они умны, но только в сфере мечты; они способны к самоотвержению, но за призрак; они деятельны, но из пустяков; они даровиты, но бесплодно; им все доступно, кроме одного, что всего важнее, всего выше – кроме действительности. Они одарены удивительной способностью породить из себя нелепую идею и увидеть ее подтверждение в наиболее противоречащих ей фактах действительности. Чем нелепее запавшая им в голову идея, тем сильнее пьянеют они от нее, и на всех трезвых смотрят как на пьяных, как на сумасшедших, как на безумных, а иногда даже как на людей безнравственных, злонамеренных и вредных. Дон-Кихот – лицо в высшей степени типическое, родовое, которое никогда не переведется, никогда не устареет, – и в этом-то обнаружилась вся великость гения Сервантеса. Разве изувер по убеждению в наше время не дон-Кихот? Разве не дон-Кихоты – эти безумные бонапартисты, которых только смерть герцога рейхштадтского заставила расстаться с мечтой о возможности восстановления империи во Франции? Разве не дон-Кихоты нынешние легитимисты, нынешние ультрамонтанисты, нынешние тори в Англии? А этот некогда великий мыслитель, который, в молодости, дал такое сильное движение развитию человеческой мысли, а в старости вздумал разыгрывать роль какого-то самозванного пророка, этот Шеллинг одним словом, – разве он не дон-Кихот? К особенным и существенным отличиям дон-Кихотов от других людей принадлежит способность к чисто теоретическим, книжным, вне жизни и действительности почерпнутым убеждениям. Есть люди, по мнению которых, не только Атилла, сам Адам был славянин... это ли не донкихотство?.. Другим не нравится созданная Петром Великим Россия, и они, с горя, видно, мечтают о реставрации блаженной эпохи, когда за употребление табака резали носы; другие идут далее и хотят реставрации Руси до нашествия татар, а третьи желают о возвращении в XIX веке Руси гостомысловских времен, то есть Руси баснословной... Это ли еще не донкихотство?.. А между тем послушайте-ка этих господ: если вы не согласитесь с ними, они вам скажут, что вы отстали от века, что вы невежда, апостат, [4] человек безнравственный, вредный...

Теперь обратимся к Ивану Васильевичу. Это дон-Кихот маленький, дон-Кихот в миньютуре. У испанского дон-Кихота достало души, чтоб осуществить на деле свою мечту и великодушно пожертвовать ей всем существом своим. Только на смертном одре понял он, что он – не дон-Кихот, а мирный манчский помещик... У Ивана Васильевича стало силы воли только на то, чтоб от Москвы до села Мордас провезти, в чужом тарантасе, белую тетрадь, назначенную для путевых заметок. Иван Васильевич в мужике нашел идеал русского человека и хотел даже дворян нарядить в костюм, очень похожий на мужицкий, за исключением желтых сафьянных сапожек (собственного его, Ивана Васильевича, изобретения), – а между тем сам скорее решил бы умереть, нежели на одну складку отступить от модного парижского костюма. Таких микроскопических дон-Кихотов в наше время развелось на Руси многое множество. Все они, за исключением незначительных, разнообразных оттенков, похожи один на другого, как две капли воды. Все они – люди добрые, умные, сочувствующие всему прекрасному и высокому, любят рассуждать и спорить о Байроне и о матерях важных, страшные либералы, и, в дополнение ко всему этому, прегустейшие и прескучнейшие люди. Но мы оставим их в стороне и обратимся, наконец, исключительно к их достойному представителю – к Ивану Васильевичу.

Иван Васильевич – один из тех червячков, которые имеют свойство блеснуть в темноте. В глуши провинции вы обрадовались бы, как неожиданному счастью, знакомству с таким человеком; даже в столице, куда вы недавно приехали и всему чужды, вы поздравили бы себя с подобным знакомством. Сначала вы очень полюбили бы Ивана Васильевича и не могли бы довольно нахвалиться им; но скоро вы с удивлением заметили бы, что в нем ничего не обнаруживается нового, что он весь высказался и выказался вам, что вы его выучили наизусть, и что он стал вам скучен, как книга, которую вы, за неимением других, сто раз перечли и наизусть, знаете. Сначала вам покажется, что он добр, даже очень добр; но потом вы увидите, что эта доброта в нем – совершенно отрицательное достоинство, в котором больше отсутствия зла, нежели положительного присутствия добра, что эта доброта похожа на мягкость, свидетельствующую об отсутствии всякой энергии воли, всякой самостоятельности характера, всякого резкого и определенного выражения личности. И тогда вы поймете, что доброта Ивана Васильевича тесно связана в нем с бессилием на зло. Сначала вам покажется, что он умен, даже очень умен; вы и потом никогда не скажете, чтоб он был глуп, потому что это была бы вопиющая неправда; но вы скоро заметите, что ум его – ограниченный, легкий и

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

поверхностный, который неспособен долго и постоянно останавливаться на одном предмете, неспособен к сомнению и его мукам и борьбе. Тогда вы поймете, что его ум чисто страдательный, то есть способный раздражаться и приходить в деятельность от чужих мыслей, но неспособный сам родить никакой мысли, ничего понять самостоятельно, оригинально, неспособный даже усвоить себе ничего чужого. Так же скоро исчезнет и ваше мнение о его талантах – и исчезнет тем скорее, чем больше вы в них видели. Если вы и заметите в нем способность к чему-нибудь, то скоро увидите, что она служит ему для того только, чтоб все начинать, ничего не оканчивая, за все браться, ничем не овладевая. Но всего более приобрел он ваше расположение, вашу любовь, даже ваше уважение – избытком чувства, готового откликнуться на все человеческое, и что же! с этой стороны всего более и должен потерять он в ваших глазах, когда вы лучше рассмотрите и узнаете его. Его чувство так чуждо всякой глубины, всякой энергии, всякой продолжительности и между тем так легко воспламеняется и проходит, не оставляя следа, что оно похоже больше на нервическую раздражительность, на чувствительность (susceptibilité), нежели на чувство. Ум, сердце, дарования, словом вся натура Ивана Васильевича так устроена, что он неспособен понять ничего такого, чего не испытал, не видел, и потому его могут беспокоить или радовать одни случайности, одни частные факты, на которые ему приходится наткнуться. Следствие занимает его без причины, явления останавливают его внимание, но идея всегда проходит мимо его, так что он и не подозревает ее присутствия. Он не может жить без убеждений и гоняется за ними; впрочем, ему легко иметь их, потому что в сущности ему все равно, чему бы ни верить, лишь бы верить. Когда чье-нибудь резкое возражение или какой-нибудь факт разобьет его убеждение, – в первую минуту ему как будто больно от того, но в следующую за тем минуту он или сам сочинит себе новое убеждение или возьмет напрокат чужое и на этом успокоится. Сильное сомнение и его муки чужды Ивану Васильевичу. Ум его – парадоксальный и бросается или на все блестящее, или на все странное. Что дважды два – четыре, это для него истина пошлая, грустная, и потому во всем он старается из двух, умноженных на два, сделать четыре с половиною или с четвертью. Простая истина невыносима ему, и, как все романтики и страдательные-поэтические натуры, он предоставляет ее людям с холодным умом, без сердца. Во всем он видит – только одну сторону, – ту, которая прежде бросится ему в глаза, и из-за нее уж никак не может видеть других сторон. Он хочет во всем встречать одно, и голова его никак не может мирить противоположностей в одном и том же предмете. Так, например, во Франции, он увидел борьбу корыстных расчетов и мелких интриг, – с тех пор Франция, его прежний идеал, вовсе перестала существовать для него... Он неспособен понять, что добро и зло идут о бок и что без борьбы добра со злом не было бы движения, развития, прогресса, словом – жизни; что историческое лицо может в одно и то же время действовать и по искреннему убеждению и по самолюбию, и что история – говоря метафорически – есть гумно, на котором цепями анализа отделяются зерна от мякины человеческих деяний, и что количество мякины, хотя бы и превосходящее количество зерен, никогда не может уничтожить цены и достоинства самих зерен. Нет, ему давайте или одно белое, или одно черное, но теней и разнообразия красок он не любит. Для него не существуют люди так, как он суть: он видит в них или демонов, или ангелов. Все это происходит от бедности его натуры, решительно неспособной ни к убеждениям, ни к страстям, способной только к фантазиям и чувствованьям. А между тем с тех пор, как только начал он себя помнить, он смотрел на себя, как на человека, отмеченного перстом провидения, назначенного к чему-то великому или, по крайней мере, необыкновенному... Это очень обыкновенное явление в обществах неустановившихся, полуобразованных, где все пестро, где невежество идет рядом с знанием, образованность с дикостью. В таком обществе всякому человеку, который обнаруживает какое-нибудь стремление или хоть просто претензии на образованность, который живет не совсем так, как все живут, и любит рассуждать, – всякому такому человеку легко уверить себя (и притом очень искренно) и других, что он – гениальный человек. Если же при этом он не глуп и не туп, одарен способностью легко схватывать со всего вершки, много читает, обо всем говорит с жаром и решительно, бранит толпу да собирается путешествовать или уже и путешествовал – то он гений, непременно гений! Вследствие этого он всю жизнь к чему-то готовится... Прежде Иваны Васильевичи носились со своими непонятными толпе внутренними страданиями, восторгами и разочарованиями, корчили из себя фаустов, Манфредов, корсаров; теперь мода на эти глупости проходит, – и потому Иваны Васильевичи теперь пустились изучать Запад и Россию, чтоб разгадать будущность отечества и узнать, чем они могут быть ему полезны. В том и другом случае главную роль играет непомерное самолюбие бедной натуры: самолюбие – единственная страсть таких людей. Прежде Иваны Васильевичи с истинно гениальным самоотвержением доходили до грустного убеждения, что толпе не понять их и что им нечего делать на земле: теперь это сделалось пошло, и потому теперь Иваны

Вот наш взгляд на Ивана Васильевича, как на лицо, на характер. Когда мы проследим нить событий, развивающихся в «Тарантасе», – читатели увидят сами, до какой степени верен наш взгляд. Но прежде нам надобно сказать, что автор «Тарантаса» очень умно и ловко дал своему маленькому дон-Кихоту спутника, – не Санчо-Пансу, а олицетворенный непосредственный здравый смысл, в лице Василия Ивановича, медведеобразного, но весьма почтенного казанского помещика. Иван Васильевич – непризнанный, самозванный гений, питающий реформаторские намерения на счет толпы; Василий Иванович – толпа, которая своим пошлым здравым смыслом обивает восковые крылья самозванному гению. Здравый смысл толпы кажется пошлым истинному гению и, рано или поздно, падает во прах перед его высоким безумием; но он – бич самолюбивой посредственности, и немилосердно бьет ее, даже иногда сам не зная, как и чем. Таковы отношения друг к другу обоих героев «Тарантаса». Первую и главную роль играет, без сомнения, Иван Васильевич; но Василий Иванович необходим для Ивана Васильевича: без первого, последний не был бы так определительно, ярко, рельефно обрисован, – известно, что ничто так резко не выказывает вещи, как противоположность. В нравственном отношении между Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем существовала такая же противоположность, как и между героями известной повести Гоголя: у одного голова похожа на редьку хвостом вниз; у другого – на редьку хвостом вверх. Впрочем, нельзя решить, кто из них прав и с кем из них должно соглашаться; мы даже думаем, что, в действительности, истинно дельный человек убежит от того и другого: от одного, как от неуклюжего, косолапого медведя, – от другого, как от крикливого ученого попугая. Но книга – не жизнь; в книге можно с кем угодно ужиться, в книге очень милы даже и герои «Ревизора». И потому мы не убежим от Ивана Васильевича и Василия Ивановича, а напротив, побежим к ним. Они очень интересны для изучения, а изучать их можно только обоих вместе. Итак, к ним, – но не на Тверской бульвар в Москве, где они встретились, даже не в тарантас, в котором они ехали, а в их деревни – посмотрим, как они родились, выросли и стали такими, какими встречает их читатель на Тверском бульваре, в первой главе «Тарантаса».

Итак, мы начнем даже и не с середины, а чуть ли не с конца – с XV и XVI глав, от которых уже перейдем к первой главе. Начнем, как это сделал и сам автор, с медведя:

«Василий Иванович родился в Казанской губернии, в деревне Мордасах, в которой родился и жил его отец, в которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился он в восьмидесяти годах и мирно развился под сенью отеческого крова. Ребенку было привольно расти. Бегал он весело по господскому двору, погоняя кнутиком трех мальчишек, изображающих тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжных, когда они недостаточно закидывали головы на сторону. Любил он также тешить вечный свой досуг чурком, бабками, свайкой и городками, но главное основание системы его воспитания заключалось в голубятне. Василий Иванович провел лучшие минуты своего детства на голубятне, сманивал и ловил крестьянских чистых голубей и приобрел весьма обширные сведения касательно козырных и турманов.

Отец Василия Ивановича, Иван Федотович, имел как-то несчастье испортить себе в молодости желудок. Так как по близости доктора не обреталось, то какой-то сосед присоветовал ему прибегнуть для поправления здоровья к постоянному употреблению травничка. Иван Федотович до того пристрастился к своему способу лечения, до того усиливал приемы, что скоро приобрел в околдке весьма недиковинную славу человека, пьющего запоем. Со временем, барский запой сделался постоянным, так что каждый день утром, аккуратно в десять часов, Иван Федотович с хозяйской точностью был уже немножко подшофе, а в одиннадцать совершенно пьян. А как пьяному человеку скучно одному, то Иван Федотович окружил себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговал он, правда, себе карлу, но карла пришелся слишком дорого, и был тогда же отправлен в Петербург к какому-то вельможе. Надлежало, следовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которых одевали в затрапезные платья с красными фигурами и заплатами на спине, с рогами, хвостами и прочими смешными украшениями. Иногда морили их голодом для смеха, били по носу и по щекам, травили собаками, кидали в воду и вообще употребляли на все возможные забавы. В таких удовольствиях проходил целый день, и когда Иван Федотович ложился почивать, пьяная старуха должна была рассказывать ему сказки, оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и обгоняли кругом его мух. Дураки должны были ссориться в уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучер вдруг прогонял дремоту и оживлял их беседу звонким прикосновением арапника.

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Мать Василия Ивановича, Арина Аникимовна, имела тоже свою дуру, но уж больше для приличия и, так сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрела за работами, знала, кого выдрать и кому водки поднести, присутствовала при молотье, свидетельствовала на мельнице за кормы, надсматривала ткацкую, мужчин приказывала наказывать при себе, а женщин иногда и сама трепала за косу. Само собой разумеется, что кругом ее образовалась целая куча разностепенной дворни, приживалок, наушниц, кумушек, нянек, девок, которые, как водится, целовали у Василия Ивановича ручку, кормили его тайком медом, поили бражкой и угождали ему всячески, в ожидании будущих благ» (стр. 174–176).

Говоря о таком произведении, как «Тарантас», нет никакой возможности избежать выписок, и частых и довольно длинных; у какого рецензента поднимется рука – пересказывать своими словами, например, содержание сейчас выписанного нами отрывка, заключающего в себе такую верную, так мастерски написанную картину русского семейства? Здесь не знаешь, чему больше удивляться в авторе: глубокому ли его знанию действительности, которую он изображает, или его мастерству изображать!.. Но обратимся к Василию Ивановичу. Он рос себе, говорит автор, по простым законам природы, как растет капуста или горох. Десяти лет начал он учиться у дьячка грамоте и два года долбил азы; писать он выучился прескверно и кончил свой курс наук катехизисом и арифметикою в вопросах и ответах. Кроме дьячка, у него был еще учителем отставной унтер-офицер, из малороссиян, Вухтич.

«Получал он (Вухтич) жалованья шестьдесят рублей в год, да отсыпной муки по два пуда в месяц, да изношенное платье с барского плеча и нечто из обуви. Кроме того, так как платья было не много, потому что Иван Федотович вечно ходил в халате, то Вухтичу было еще предоставлено в утешение держать свою корову на господском корме. Василий Иванович мало оказывал почтения учителю, ездил верхом на его спине, дразнил его языком и нередко швырял ему книгой прямо в нос. Если же терпеливый Вухтич и выйдет, бывало, наконец из терпения и схватится за линейку, Василий Иванович кувырком побежит жаловаться тятеньке, что учитель его такой, сякой, бьет-де его палкой и бранит его дурными словами. Тятенька спяная раскричится на Вухтича. «Ах, ты, седой этакой пес, я тебя кормлю и одеваю, а ты у меня в дому шуметь задумал. Вот я тебя... смотри, по шеям велю выпроводить. Не давать корове его сена...» А кумушки и приживалки окружают Василия Ивановича и начнут его утешать... Ненаглядное ты наше красное солнышко, свет наша радость, барин вы наш, позвольте ручку поцеловать... Не слушайте, ягода, золотей вы наш, хохла поганого. Он мужик, наш брат... Где ему знать, как с знатными господами обход иметь...»

«Что ж, в самом деле, думал Вухтич, не ходить же по миру...» – Заключением всего этого было то, что Вухтич женился на дворовой девке, получил в награждение две десятины земли, и воспитание Василия Ивановича было окончено» (стр. 177). Изобразив с такою поразительною верностью «воспитание» Василия Ивановича и сказав, что даже и оно не испортило его доброй природы, – автор удивляется тому, что все наши деды и прадеды воспитывались так же, как и Василий Иванович, а между тем, не в пример нам, были отличнейшие люди, с твердыми правилами, – что особенно доказывается тем, что они «крепко хранили, не по логическому убеждению, а по какому-то странному (?) внушению (!?) любовь ко всем нашим отечественным постановлениям» (стр. 179). Здесь автор что-то темновато рассуждает; но, сколько мы можем понять, под отечественными постановлениями он разумеет старые обычаи, которых наши деды и прадеды, действительно, крепко держались. Кому не известно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только с малейшей части своих подданных? Впрочем, добродетель, которая возбуждает такой энтузиазм в авторе «Тарантаса» и которая заключается в крепком хранении старых обычаев, – именно из того и вытекала, что наши деды и прадеды, как говорит Соллогуб, «были точно люди неграмотные» (стр. 179). Мы не можем притти в себя от удивления, не понимая, чему же автор тут удивляется... Эта добродетель и теперь еще сохранилась на Руси, именно – между старообрядцами разных толков, которые, как известно, в грамоте очень несильны. Китайцы тоже отличаются этою добродетелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невежды и обскуранты. Но еще больше китайцев отличаются этою добродетелью бесчисленные породы бессловесных, которые совсем неспособны знать грамоте и которые до сих пор живут точь-в-точь, как жили их предки с первого дня создания... Вот, если бы автор «Тарантаса» нашел где-нибудь людей просвещенных и образованных, но которые крепко держатся старых обычаев, и удивился бы этому, – тогда бы мы несколько не удивились его удивлению и вполне разделили бы его...

Мы не будем говорить, как Василий Иванович служил в Казани, плясал на одном балу казачка и влюбился в свою даму; но мы не можем пропустить рацеи его «дражайшего

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
родителя» в ответ на «покорнейшую» просьбу «послушнейшего» сына о благословении на брак. «Вишь, щенок, что затеял; еще на губах молоко не обсохло, а уж о бабе думает». От матери он услышал то же самое. Воля мужа была ей законом. Даром, что пьяница, думала она, а все-таки муж. При этом автор не мог удержаться от восклицания: «Так думали в старину!» Хорошо думали в старину! прибавим мы от себя. Когда милый «тятенька» Василия Ивановича умер от сивухи, добрые его крестьяне горько о нем плакали: картина была. умилительная... Автор очень остроумно замечает, что «любовь мужика к барину есть любовь врожденная и почти неизъяснимая»: мы в этом столько же уверены, как и он... Наконец Василий Иванович женился и поехал в Мордасы: на границе поместья все мужики, стоя на коленях, ожидали молодых с хлебом и солью. «Русские крестьяне, – говорит автор, – не кричат виватов, не выходят из себя от восторга, но тихо и трогательно выражают свою преданность; и жалок тот, кто видит в них только лукавых, бессловесных рабов, и не верует в их искренность» (стр. 187). Об этом предмете мы опять думаем точно так же, как сам автор. Если б Василий Иванович спросил у своего старосты, отчего крестьяне так радуются, – староста, наверное, ответил бы:

.....они

На радости, тебя увидя, пляшут.{2}

После этого Василий Иванович сделался, как и следовало от такого воспитания и таких примеров, предобродетельным помещиком. Он поправил мужиков, управляя ими по «русской методе», без агрономических и филантропических усовершенствований. Учить сына поручил уже не дьячку, а семинаристу. Старые соседи говорили о Василии Ивановиче, что он – продувная шельма, а молодые, что он – пошлый дурак; но в сущности он был – добродетельный помещик села Мордас, в котором пока и оставим его, чтоб заехать в соседнюю деревню – к родителям Ивана Васильевича.

Иван Васильевич родился через тридцать лет после Василия Ивановича. Это дает нам надежду, что автор представит нам совсем другую картину воспитания, в которой будет виден прогресс целых тридцати лет – огромного периода времени для России, которая так быстро развивается. Василий Иванович родился в восьмидесяти годах прошлого столетия; следовательно, Иван Васильевич родился или около 1815 года, или немного позже. Мать его была какая-то княжна средней руки, недавнего восточного происхождения, как говорит автор, и была помешана на французском языке. Несмотря на все свои претензии, как старая девка без приданого, она принуждена была выйти замуж за помещика, который «не был похож на Малек-Аделя или на Eugene de Rothelin,{3} не был похож даже на лютого тирана, а скорей на сурка; ел, спал, да рыскал целый день по полю». От этой-то достойной четы родился Иван Васильевич. Воспитание его поручено было французскому гувернеру. «Всем известно, – говорит автор, – что французы долго мстили нам за свою неудачу, оставив за собою несметное количество фельдфебелей, фельдшеров, сапожников, которые, под предлогом воспитания, испортили на Руси едва ли не целое поколение» (стр. 197). Замечание энергическое и остроумное, но, во-первых, совсем не новое – оно уже тысячу тысяч раз было предметом посильных острот журналов и нравоучительных романов доброго старого времени, во-вторых, оно едва ли основательно. Человеку, несчастною судьбою занесенному в чужую страну, нечего есть, а умирать с голоду, естественно, не хочется: что ж тут острить, что он схватился даже и за воспитание, чтоб добыть кусок хлеба? Автор мог бы без всяких натяжек обнаружить свое остроумие насчет невежд, которые бог знает кому поручали воспитание своих детей: все смешное на стороне сих дражайших родителей. Эмигрантов автор не смешивает с этой саранчой: да, французские эмигранты, конечно, люди почтенные в глазах многих, и мы не станем спорить с этими «многими». Гувернер Ивана Васильевича был эмигрант. С удивительною ирониею автор рассказывает нам, как Иван Васильевич узнал, что Расин первый поэт в мире, а Вольтер такая тьма мудрости, что и подумать страшно. Воспитание Ивана Васильевича, как и следует, было самое поверхностное и бестолковое, уже потому только, что его воспитывал человек, который случайно сделался воспитателем. Это так естественно! А между тем мы далеки от того, чтоб слишком нападать и на родителей, поручавших своих детей таким воспитателям. Где же им было искать лучших? Университеты русские тогда были совсем не то, что теперь, а ученые того времени, за слишком редкими исключениями, часто казались сродни зеленому господину в «Петербургских углах» г. Некрасова. Следовательно, в таком состоянии воспитания никто не был виноват, и нам кажется, что даровитый автор обращает на воспитание слишком исключительное внимание, почти вовсе упуская из вида натуру своего героя. В таком воспитании вся надежда на добрую натуру воспитанника. Ведь Василий Иванович, по словам автора, не погиб же от самого ужасного воспитания благодаря добрым наклонностям его природы? Почему же с Иваном Васильевичем не то сбылось? А ведь он, даже и по воспитанию, имел огромные преимущества перед

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Василием Ивановичем, потому что знал хотя один иностранный язык (а это – совсем не пустяки) и имел хоть какие-нибудь познания, как бы поверхностны и пусты они ни были. Будь у него добрая натура, ему не поздно было бы проснуться от своего ничтожества даже в двадцать лет и дельным трудом (который для него был так возможен, потому что он знал уже иностранный язык) воротить потерянное в детстве время. И какую пользу принесло бы ему путешествие в Европу!.. Но мы сейчас увидим, как воспользовалась этим путешествием слабая голова Ивана Васильевича. Автор сам чувствовал необходимость взглянуть на природу своего героя, но сделал это вскользь и не совсем впопад: «Иван Васильевич был мальчик совершенно славянской породы, то есть ленивый, но бойкий» (стр. 199). Так; русская лень – большая помеха во всем русскому человеку, но еще не непреодолимое препятствие, и не в ней корень зла: корень лежит глубже, его надо искать в отсутствии определенного общественного мнения, которое каждому указывало бы его путь, а не становило бы его на распутье, говоря: иди куда хочешь. Что же касается до Ивана Васильевича, корень зла его жизни заключался в его слабости, ничтожной натуре, неспособной ни к убеждению, ни к страсти и вечно гонявшейся за убеждениями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбию и от скуки. От губернатора перешел он в один частный пансион в Петербурге, где наблюдалась удивительная чистота; а учили вздором и плохо. Иван Васильевич ленился и молодечествовал трубкою, водкою и другими пороками взрослых, а на выпуск, на экзамене срезался. Это заставило его подумать о себе. «Он почувствовал, что не рожден для бессмысленного разврата, а что в нем таится что-то живое, благородное, просящееся на свет, требующее деятельности, возвышающее душу». Он бы не прочь был и приняться за свое перевоспитание; «но как начать учиться, когда некоторые товарищи уже титулярные советники и веселятся в свете?» А! вот что! Мелкая натура сказала! Ступайте-ка служить, Иван Васильевич, – куда вам учиться! Но оказалось, что он не годился и в чиновники, и потому бросил службу; потом влюбился, – и тут толку не было; бросился в свет, – и то надоело; хватался за поэтов, за науки, «принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; он утомлялся и искал минутного рассеяния, глупой забавы. Он сделался истинно жалким человеком, не оттого, чтоб положение его было несчастливое, но оттого, что он ни в чем не мог принимать долго участия, оттого, что сам собою был недоволен, оттого, что он устал сам от самого себя». Наконец он отправился за границу. Сперва посетил Берлин. «Знаменитости, перед которыми он готовился благоговеть, произвели на него то же самое впечатление, как кассир его министерства или излеровский маркер. У одной знаменитости был нос толстый, у другой – бородавка на щеке». Вздумал было посещать лекции, но увидел, что без приготовления нельзя их понимать. «В Германии объяснилась ему тайна воспитания. Он видел, как здесь каждый человек, от мужика до принца, вращается в своем круге терпеливо и систематически, не заносясь слишком высоко, не падая слишком низко. Он видел, как каждый человек выбирает себе дорогу и идет себе постоянно по этой дороге, не заглядываясь на стороны, не теряя ни разу из виду своей цели». И жалкий бедняк, который уже своєю натурою осужден на век остаться духовно-малолетным, принялся проклинать своего француза-наставника, вместо того чтоб ругнуть хорошенько самого себя... Потом он начал ругать немцев за то, что они дельнее его: для слабых натур это не последнее средство утешиться в горе! Но, кроме того, вообще в русской натуре – оправдываться в своих недостатках недостатками других; одна из любимых поговорок русского человека: славны бубны за горами...

Иван Васильевич поехал в Париж. Сначала он увлекся шумным и разнообразным движением парижской жизни, но скоро «он увидел собственную историю в огромном размере: вечный шум, вечную борьбу, вечное движение, звонкие речи, громкие возгласы, безмерное хвастовство, желание выказаться и стать перед другими, а на дне этой кипящей жизни тяжелую скуку и холодный эгоизм» (стр. 209). Подлинно, всякий во всем видит свое, в оправдание шеллинговской системы тождества, и в то же время в оправдание басни Крылова, известная героиня которой, затесавшись на барский двор, ничего не увидела там, кроме навоза... Бедный Иван Васильевич! ему везде и во всем суждено видеть ужасную дрянь – самого себя... Нет – виноваты! – в Италии он увидел искусство, и оно освежило его. По крайней мере, так уверяет автор. Мы верим ему, хотя, в то же время, верим и тому, что без приготовления, без страсти, без труда и настойчивости в развитии чувства изящного в самом себе, искусство никому не дается. Минутное раздражение нервов – еще не проникновение в тайны искусства; минутное развлечение новыми предметами – еще не наслаждение ими.

Автор уверяет (стр. 210), что Италия не пала, не погибла, не схоронена, и советует ей не верить коварным словам, истину которых она сама хорошо понимает. Впрочем, никто не станет спорить, чтоб природа Италии, развалины и обломки ее

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
прежней богатой жизни не были обаятельно прекрасны. К ней идет сравнение,
сказанное Байроном о Греции: это прекрасная женщина, которая еще прекрасна и в
гробе. Но Греция воскресла, и для нее это сравнение уже не годится...

Неприятные толки иностранцев о России заставили Ивана Васильевича думать о
своем отечестве и полюбить его. Черта, вполне достойная Ивана Васильевича!
Пустота составляет душу этого человека, и в его пустоте есть какое-то тревожное,
суетливое стремление без всякой способности достижения. В нем нет ничего
непосредственного, живого: ему нужно, чтоб его толкали извне, тогда может он
броситься, на время и не надолго, то на то, то на другое. Таким образом, без
поездки за границу, ему никогда не пришло бы в голову полюбить Россию, даже
никогда не вздумалось бы, что земля, в которой он живет, называется Россиею, и
что он сам – гражданин этой земли. Поэтому, как понятно, что и теперь, когда,
благодаря путешествию, он полюбил Россию, – как понятно, что это – не чувство, а
новая мечта его празднующейся фантазии! «Тогда решился он изучить свою
родину основательно, и так как он принимался за все с восторгом, то и
отчизнолюбие в нем загорелось бурным пламенем». Возвратившись в Россию, он
вооружился книгой для своих путевых впечатлений и очинил перо. «Но что будет из
этого? что напишет он? что откроет? что скажет нам? – Кажется ничего!» (стр.
212). Автор объясняет это тем, что Иван Васильевич не приучен к упорному труду;
мы принимаем эту причину, но как одну из второстепенных. Первая и главная
причина – в натуре Ивана Васильевича, неспособной ни к убеждению, ни к страсти,
– в его уме, неспособном выдерживать отрицания и итти до последних следствий...

Теперь пойдем за нашими героями в Москву, на Тверской бульвар и подслушаем
некоторые отрывки из их разговора.

«– Откуда ты?

– Я был за границей.

– Вот-с! а где, коль смею спросить?

– В Париже шесть месяцев.

– Так-с.

– В Германии, в Италии...

– Да, да, да, да... Хорошо... а коли смею спросить, много деньжонок изволил
порастрясти?

– Как-с?

– Много ли, брат, промотыжничал...

– Довольно-с.

– То-то... а батюшка-то твой, мой сосед, что скажет на это. Ведь старики-то не
очень сговорчивы на детское мотовство... Да и годы-то плохие. Ты, чай, слышал, что
у батюшки всю гречиху градом побило?

– Батюшка писал-с; я сам теперь к нему собираюсь.

– Хорошее дело старика утешить... А... смею спросить, какого чина?

– Так и есть! – подумал молодой человек. – 12 класса, – отвечал он, запинаясь...

– Гм... не важно... а уж в отставке, чай?

– В отставке.

– То-то же. Вы, молодые люди, вбили себе в голову, что надо пренебрегать
службой. Умны слишком, изволите видеть, стали. – А теперь, коли смею спросить,
что вы намерены делать-с... Ась?

– Да я хотел бы, Василий Иванович, посмотреть на Россию, познакомиться с ней.

– Как-с?

– Хотел бы изучить свою родину.

– Что, что, что...

– Я намерен изучить свою родину.

– Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?..

– Изучать мою родину... Изучать Россию.

– А как же это вы, батюшка, будете изучать Россию?..

– Да в двух видах... в отношении ее древности и в отношении её народности, что,
впрочем, тесно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши поверья и
преданья, прислушиваясь ко всем отголоскам нашей старины, мне удастся... виноват,
нам... мы, товарищи и я... мы дойдем до познания народного духа, нрава и требования,
и будем знать, из какого источника должно возникнуть наше народное просвещение,
пользуясь примером Европы, но не принимая его за образец.

– По-моему, – сказал Василий Иванович, – я нашел тебе самое лучшее средство
изучать Россию – жениться. Брось пустые слова да поедем-ка, брат, в Казань. Чин
у тебя небольшой, однако офицерский. Имение у вас дворянское. Партию ты легко
найдешь. На невест у нас, слава богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить с
стариком. Пора и об нем подумать. – Эх, брат, право – ну! Ты ведь думаешь, в

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
деревне скучно? Ничуть. Поутру в поле, а там закусить, да пообедать, да
выспаться, а там к соседям... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а
ярмарка... А? Житье, брат... что твой Париж. Да главное, как заведутся у тебя
ребятишки, да родится у тебя рожь сам-восём, да на гумне столько хлеба
наберется, что не успеешь молотить, а в кармане столько целковых, что не
сочтешь, так, по-моему, ты славно будешь знать Россию. А?..»{4}
Видите ли: не правы ли мы, сказав, что при этом миньютюрном дон-Кихоте, Иване
Васильевиче, автор назначил Василию Ивановичу роль не Санчо-Пансы, а
олицетворенного здравого смысла, который, впрочем, и не подозревает ни мало, что
он – здравый смысл? – Мало этого: Василий Иванович, в отношении к Ивану
Васильевичу, не только олицетворенный здравый смысл, но и олицетворенная ирония.
Все, что ни говорил он ему, можно перевести так: знаем мы вас, голубчики! вы и
модничаєте, и умничаєте, и ездите за границу, проматываетесь и дома и на
чужбине, и подымаете нос кверху перед нами, степными медведями, – а ведь кончите
же тем, что сами омедведитесь не лучше нашего, и в законном сожителстве с
какою-нибудь Авдотьей Петровной, с кучею детей, разъевшись, разоспавшись и
растолстев, от полноты сердца будете говорить: «В деревне скучно? Ничуть! Поутру
в поле, а там закусить, да пообедать, да выспаться, а там к соседям... А
именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?.. Житье, брат... что твой
Париж!» Если б Василий Иванович был хоть немного философски образован, он мог бы
прибавить к этому: как ни заносись, мой милый, а действительность возьмет свое,
– и быть тебе не рыцарем, не философом, не реформатором, а помещиком, да еще
женатым на какой-нибудь Авдотье Петровне, которая смолоду болтала по-французски,
а в летах будет держать девичью в страхе не хуже моей Авдотьи Петровны. Я же
тебя знаю: ты боек только на словах, а натурка твоя жиденькая, и ты спасуешь
перед прозою жизни, даже и не попытавшись побороться с нею!.. Конечно, Василий
Иванович и не думал иронизировать, и сам не подозревал глубокого смысла своих
слов; но ведь он – бессознательный, непосредственный здравый смысл; он умен, как
действительность, как природа, которая никогда не ошибается, но которая сама не
знает ни того, что она разумна, ни того, как она разумна, ни даже того, что она
существует... Да и зачем Василию Ивановичу сознание? он силен и без него –
большинство, толпа, словом, действительность за него; а на стороне Ивана
Васильевича только слова и фразы. Если хотите, на лестнице нравственного
совершенства последний стоит несравненно выше первого; но по особенному
исключительному свойству действительности, среди которой оба они живут, – в
сущности оба они сходят на нуль. Один, как медведь, мечтает, идя по Тверскому
бульвару, о московских удовольствиях: «В самом деле, как подумаешь, Английский
клуб, немецкий клуб, коммерческий клуб, и все столы с картами, к которым можно
присесть, чтоб посмотреть, как люди играют большую и малую игру. А там лото, за
которым сидят помещики, и бильярд с усатыми игроками и шутивными маркёрами. Что
за раздолье!.. а цыгане-то, а комедии-то, а медвежья травля меделянскими
мордашками у Рогожской заставы, а гулянья за городом, а театр-то, театр, где
пляшут такие красавицы, и ногами такие вензеля выделывают, что просто глазам не
веришь...» Другой, как попугай, мечтает о парижских удовольствиях: «Господи, боже
мой, как жаль, что так мало здесь движения и жизни... Ne! furor!.. то ли дело
Париж... della tempesta[5]. Ах, Париж! Париж! Где твои гризетки, твои театры и
балы Мюзера... Ne! furor. Как вспомнишь: Лаблаш, Гризи, Фанни Эльслер, а здесь
только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто
на тебя и смотреть не хочет... della tempesta!» – Что за странная пустота, что за
странное ничтожество в чувствах этих двух представителей двух веков!..

Мы не будем распространяться о дивном экипаже, по имени которого названо новое
сочинение графа Соллогуба, о сундуках, сундучках, коробках, коробочках,
бочонках, которыми этот экипаж загроможден и увязан снаружи, о перинах, тюфяках,
подушках, которыми он завален внутри: скажем только, что талант автора
неподражаем в отношении всех этих подробностей. Тарантас готов двинуться:
наконец явился и Иван Васильевич.

«Воротник его макинтоша был поднят выше ушей; подмышкой был у него небольшой
чемоданчик, а в руках держал он шелковый зонтик, дорожный мешок с стальным
замочком и прекрасно переплетенную в коричневый сафьян книгу со стальными
застежками и тонко очинённым карандашом.

– А, Иван Васильевич! – сказал Василий Иванович. – Пора, батюшка. Да где же
кладь твоя?

– У меня ничего нет больше с собой.

– Эва! да ты, брат, эдак в мешке-то своем замерзнешь. Хорошо, что у меня есть
лишний тулупчик на заячем меху. Да-бишь, скажи, пожалуйста, что под тебя
подложить, перину или тюфяк?

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

– Как? – с ужасом спросил Иван Васильевич.

– Я у тебя спрашиваю, что ты больше дюбишь, тюфяк или перину?

Иван Васильевич готов был бежать и с отчаянием поглядывал со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидит его в тулупе, в перине и в тарантасе» (стр. 20).

Да, было от чего в отчаянье притти! И вот в чем состоит европеизм господ вроде Ивана Васильевича. Этим людям и в голову не входит, что если в Европе все стремятся к опозитизированию своего быта, – зато никто, при недостатке, при перевороте обстоятельств, при случае, не постыдится, ни сесть в какой угодно тарантас, ни вычистить себе при нужде сапоги. Этого рода европейцев, в отличие от истинных европейцев, не худо бы называть европейцами-татарами...

Ивану Васильевичу было грустно, но делать нечего. Он промотался по-русски и нашел случай доплестись до дому, притом же дорогою он может изучать Россию и вести свои записки... Все бы хорошо. «Но эта неблагородная перина, но эти ситцевые подушки, но этот ужасный тарантас!..»

В самом деле ужасно!..

«– Василий Иванович?

– Что, батюшка?

– Знаете ли, о чем я думаю.

– Нет, батюшка, не знаю.

– Я думаю, что так как мы собираемся теперь путешествовать...

– Что, что, батюшка... какое путешествие?

– Да ведь мы теперь путешествуем.

– Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

– Ну, да ведь это тоже путешествие.

– Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там, за границей, в Немечине; а мы что за путешественники? Просто – дворяне, едем себе в деревню».{5}

О Василии Иванович! О великий практический философ, отроду не философствовавший! Как, с своею безграмотностью, как умнее ты этого полуграмотного фертика! Потому умнее, что как бы ни были грубы твои понятия, их корень в действительности, а не в книге, и, верный степовому началу своей жизни, ты знаешь, что в степях ездят по делам и по нужде, а не из любопытства, не для изучения! Ты называешь все вещи их настоящими именами, месяц называешь просто месяцем, а не воздушною или небесною ночью лампадою! Ах, если бы знал ты, как умен твой глупый ответ: «Мы не путешествуем, а едем из Москвы в Мордасы; мы не путешественники, а просто дворяне, едем себе в деревню»!..

Иван Васильевич книжным языком толкует своему спутнику о пользе путешествий, – и Василий Иванович, ничего не понимая, но смутно предчувствуя, что юноша несет страшную дичь, отвечает ему: «Вот-с». Иван Васильевич с риторическим восторгом говорит о своих предполагаемых путевых впечатлениях, о пользе, которую сделает его книга; Василий Иванович, наконец, объясняется напрямки: «Ты все такое мелешь странное». Иван Васильевич толкует о своей любви и своем уважении к русскому мужику и русскому барину, и о своей ненависти и своем презрении к чиновнику. Василий Иванович, человек умный по привычке, и потому совершенно чуждый и благоговения к мужику и барину, и презрения к чиновнику – так как всех их он находит в порядке вещей, спрашивает: «А отчего же это, батюшка, ненавидите вы чиновников?» Иван Васильевич прибегает к уловке всех людей, которые ничего не в состоянии понять в идее, в принципе, в источнике, а все понимают случайно, и разделяет чиновников на благородных, которых он очень уважает, и на таких, которых он презирает за их трактирную образованность, за отсутствие в них всего русского, за взяточничество. Отсутствие всего русского – и взяточничество! Каков?.. Браня чиновников, он восхищается мужиками, уверяя, что ничего не может быть красивее и живописнее их. «В мужике, – говорит он, – таится зародыш русского богатырского духа, начало нашего отечественного (народного, национального?) величия» (стр. 23{6}). – Хитрые бывают бестии! – заметил Василий Иванович... Апологист не смешался от этого замечания, совершенно чуждого всяких претензий на остроумие или юмор, но которое тем поразительнее, чем невиннее и простодушнее, – и поставил в огромную заслугу мужику его будто бы способность сделаться, по желанию (желательно бы знать, чьему?), музыкантом, мастеровым, механиком, живописцем, управителем, чем угодно. Если хотите, – это, к сожалению, справедливо: из страха или из корысти, русский человек возьмется за все, вопреки мудрому правилу:

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.{7}

Покажите русскому человеку хоть Аполлона Бельведерского: он не сконфузится и топором и скобелю, сделает из елового бревна Аполлона Бельведерского, да еще будет божиться, что его работа настоящая немецкая. Потому-то русские покупатели так страстны к иностранной работе и так боятся отечественных изделий. Конечно, способность и готовность ко всему, хотя бы и вынужденная, имеет свою хорошую сторону и иногда творит чудеса: против этого мы ни слова. Но ведь иногда совсем не то, что всегда, и *tour de force*[6], как дело случайности и удачи, совсем не то, что свободное произведение таланта или природной способности, развитой правильным учением. Умы поверхностные любят увлекаться блестящим, бросающимся в глаза, парадоксальным; но ум основательный не позволит себе увлечься лицевою стороною предмета, не посмотрев на изнанку; естественное и простое он всегда предпочтет насильственному и хитрому

Есть, однакож, в апологии Ивана Васильевича мысль очень умная и дельная – о гнусности и вреде существа, называемого дворовым человеком; есть часть истины и в его одностороннем взгляде на чиновника как потомка дворового человека.

«Дворовый не что иное, как первый шаг к чиновнику. Дворовый обрит, ходит в длиннополом сюртуке домашнего сукна. Дворовый служит потехой праздной лени и привыкает к тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствует и ворует, и важничает, и презирает мужика, который за него трудится и платит за него подушные. Потом, при благополучных обстоятельствах, дворовый вступает в конторщики, в вольноотпущенные, в приказные; приказный презирает и дворового, и мужика, и учится уже крюкотворству, и потихоньку от исправника подбирает себе кур да гривенники. У него сюртук нанковый, волосы примазанные. Он обучается уже воровству систематическому. Потом приказный спускается еще на ступень ниже, делается писцом, повытчиком, секретарем и наконец, настоящим чиновником. Тогда сфера его увеличивается; тогда получает он другое бытие: презирает и мужика, и приказного, потому что они, изволите видеть, люди необразованные. Он имеет уже высшие потребности и потому крадет уже ассигнациями. Ему ведь надо пить донское, курить табак Жукова, играть в банчик, ездить в тарантасе, выписывать для жены чепцы с серебряными колосьями и шелковые платья. Для этого он без малейшего зазрения совести вступает на свое место, как купец вступает в лавку, и торгует своим влиянием, как товаром. ПопадетсЯ иной, другой... «Ничто ему, говорят собираться. Бери, да умей» (стр. 30–31), Действительно, эта генеалогия, от дворового через конторщика из вольноотпущенных, и приказного до чиновника, не только остроумна, но и отчасти справедлива. Реформа Петра Великого, которой основным принципом было преимущество личных достоинств или способностей над породою, пересоздала дворового в подьячего, подьячий родил приказного, приказный – чиновника. И так, как видите, есть развитие, и каждая новая ступень выше и лучше прежней. Мы сами не охотники до «чиновника», но, тем не менее, мы чужды всякого несправедливого и одностороннего недоброжелательства к сему почтенному члену нашего общества. Мы никак не можем согласиться с Иваном Васильевичем, что лучшие сословия у нас – мужик и барин, а худшее – чиновник. Пусть образование чиновника трактирное, как уверяет Иван Васильевич, пусть он пьет донское, курит Жуковский, ездит в тарантасе и выписывает для жены своей чепцы с серебряными колосьями да шелковые платья; во всем этом есть своя хорошая сторона, которая состоит в том, что формы жизни чиновника близко подходят к формам жизни барина. Сын чиновника годится на все и всюду: он поступает в кадетский корпус и оттуда выходит хорошим офицером; он поступает в университет, откуда для него открыты честные и благородные пути на все поприща жизни, и он всегда способен с честью идти по одному раз избранному им поприщу; он может быть ученым, художником, литератором, словом, всем, чем может быть и барин. Скажут: кто же не может, и почему это привилегия сына чиновника? – потому, отвечаем мы, что военный офицер, чиновник, приготовившийся к службе университетским образованием, ученый, профессор, учитель, художник, литератор из мужиков, из купцов, из духовного звания – все они больше исключения из общего правила, нежели общее правило, и все они находятся в прямой противоположности с формами жизни сословий, из которых вышли. И потому-то, образовавшись, они спешат выйти из своего сословия, с которым чувствуют себя навек разорванными через образование, и, следовательно, спешат увеличить собою чиновническое сословие. Как? спросят нас; да какое же отношение между музыкантом, например, и чиновником? – Очень большое: их связывает одинаковость форм жизни. И потому-то сын чиновника, сделавшись, например, ученым или художником, как будто совсем не выходит из своего сословия: его костюм тот

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru же, комнаты те же, образ жизни тот же, от утреннего чаю или кофе – до поклона знакомой даме или до танца с нею на бале. Скажем прямее: формы жизни чиновника могут быть несколько грубее, аляповатее форм жизни барина, но сущность тех и других совершенно одинакова, и чиновник из бедных людей, которого образование допустит в светский круг, никогда не будет таким странным исключением, каким был бы человек из другого сословия, особенно купеческого. Чиновническое сословие играет в России роль химической печи, проходя через которую люди мещанского, купеческого, духовного и, пожалуй, дворового сословия теряют резкие и грубые внешности этих сословий и, от отца к сыну, вырождаются в сословие бар. Это потому, что в России чин, обязывая человека носить европейский костюм и держаться европейских форм жизни, вместе с тем обязывает его во всем тянуться за баринном. Сверх того, между баринном и чиновником – не во гнев будь сказано всем Иванам Васильевичам – существует более живая и крепкая связь, нежели между баринном и мужиком, купцом, духовным или человеком из другого какого-либо сословия: это – все чиновничество же. Разве барин – не чиновник? Много ли у нас дворян не служащих и не имеющих чина? Скажут: они служат в военной. Неправда! Их больше в статской, и статскою службою по большей части оканчивают и те, которые начали с военной. А сколько теперь дворян, сделавшихся дворянами через службу? Два-три поколения – и вы ни в какой телескоп не отличите их от родового дворянства. Что же касается до взяточничества, право, никому не легче давать взятки заседателю или исправнику, нежели стряпчему или писцу квартального, потому что взятка – все взятка, кто бы ни взял ее с вас. – Мы уже не говорим о том, что в Петербурге, например, служащие в министерских департаментах чиновники не подвержены никакому упреку в этом отношении. Вообще это предмет, о котором... о котором мы не хотим больше говорить, «чтоб гусей не раздражить». Иван Васильевич – гусь породистый: маменька его была татарская княжна, – и потому для него важна генеалогия людей. Мы, с этой стороны, совсем в другом положении, – и нам нисколько нет нужды до того, кто был отец этого человека; для нас важно одно: каков сам этот человек.

Иван Васильевич наговорил очень много хорошего о состоянии, до какого дошли теперь дворянские выборы, и по своему верхоглядству сложил всю вину на богатых дворян (стр. 32). Мы не беремся объяснить это явление и скажем только, что все, что есть или что сделалось, есть и сделалось по причинам неотразимым и с самого начала носило в себе семена своего будущего состояния. Об этом бы и следовало говорить Ивану Васильевичу или ничего не говорить. А иеремиады-то мы слышали и не от него, и они всем надоели, потому что их способен повторять всякий человек, не умеющий порядочно связать двух идей. Что нового в этих, например, словах Ивана Васильевича? – «Все старинные имена наши исчезают. Гербы наших княжеских домов развалились в прах, потому что не на что их восстановить, и русское дворянство, зажиточное, радушное, хлебосольное, отдало родовые свои вотчины оборотливым купцам, которые в роскошных палатах поделали себе фабрики» (стр. 33). Какая же, по мнению Ивана Васильевича, причина этого важного явления? – «Попромотались на праздники, на театры, на любовниц, на всякую дрянь» (ibid. [7])... Знаете ли, на что похоже подобное объяснение! Вопрос: Отчего умер этот человек? Ответ: «От болезни. – Хорошо; но отчего он заболел и почему он умер от этой болезни, когда другой, у которого была та же самая болезнь, не умер от нее? Но это сравнение еще не совсем верно; человек может умереть от случайности, а случайность не объясняется общими законами; изменение же или упадок целого сословия не может быть делом случайности, – и мотовство тут плохое объяснение. Что праздники, театры и любовницы богачей нашего времени перед роскошью вельмож прошлого века! Однакож им доставало своих средств... Нет; подобный вопрос надо было или решить поглубже и поосновательнее, или вовсе не браться за него. Василий Иванович гораздо лучше решил его. «Что думаете вы о наших аристократах?» – спрашивает его Иван Васильевич. «Я думаю, – сказал Василий Иванович, – что на станции нам не дадут лошадей».{8}

Описание станции превосходно: при каждой строке так и хочется вскрикнуть: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» Анекдот станционного зрителя о генерале прекрасен и сам по себе, и по тому восторгу, в который привел он Василия Ивановича. Описание жилища, или, лучше сказать, логовища, в котором помещается станционный зритель и в котором так верно, как в зеркале, отражаются его дух, понятия и наклонности, – это описание – верх мастерства, и хотя некоторые нравоописательные романисты, они же и критики, объявили, ради весьма понятных причин, что граф Соллогуб пишет в поверхностном роде{9}, – однако для нас одна страница в «Тарантасе», которая знакомит читателя с покоями станционного зрителя, в тысячу раз лучше всех нравоописательных и нравственно-сатирических романов. Превосходен также этот вскользь, но верно обрисованный майор, который,

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru в ожидании лошадей, всем говорил «ты» и всем рассказал обстоятельства своей жизни, хотя о них никто у него не спрашивал, и которого Василий Иванович трепал по плечу, приговаривая: военная косточка! (стр. 43). Никем не подозреваемый из чаявших движения лошадей внезапный проезд тайного советника, для которого у станционного зрителя нашлись лошади, есть истинно художественная черта, которая удивительно верно доканчивает картину «станции». За станцией следует гостиница, но в промежутке этих двух любопытных фактов русской жизни с Василием Ивановичем случилось несчастье: от тарантаса были отрезаны два чемодана и несколько коробов, а с ними пропали чепчик и тюбан, от мадам Лебур, с Кузнецкого моста, приобретенные для Авдотьи Петровны.

«Приехав на станцию, он бросился к зрителю с жалобой и просьбой о помощи. Зритель отвечал ему в утешение: «Будьте совершенно спокойны. Ваши вещи пропали. Это уж не в первый раз. Вы тут в двенадцати верстах проезжали через деревню, которая тем известна: все шалуны живут».

– Какие шалуны? – спросил Иван Васильевич.

– Известно-с. На большой дороге шалют ночью. Коли заснете, как раз задний чемодан отрежут.

– Да это разбой!

– Нет, не разбой, а шалости.

– Хороши шалости, – уныло говорил Василий Иванович, отправляясь снова в путь. – А что скажет Авдотья Петровна?» (стр. 47).

Иван Васильевич торопится во Владимир, которым он, как древним городом, прекрасно может начать свои путевые впечатления. «Я вам уже говорил, Василий Иванович, что я... и не я один, а нас много, мы хотим выпутаться из гнусного просвещения Запада, и выдумать своеобытное просвещение Востока» (ib.). И эту дичь Иван Васильевич несет простодушно, без всякой задней мысли... Какой чудак!..

«– Да вот мы доедем до Владимира.

– И отобедаем, – заметил Василий Иванович.

– Столица древней Руси.

– Порядочный трактир.

– Золотые ворота.

– Только дорого дерут.

– Ну, пошел же, кучер.

– Эх, барин, видишь, как стараюсь».

Наконец путешественники наши во Владимире, в губернской гостинице, которая изображена и верно и оригинально.

«– Что есть у вас? – спросил Иван Васильевич у пологого.

– Все есть, – отвечал надменно пологовой.

– Постели есть?

– Никак нет-с.

– А что есть обедать?

– Все есть.

– Как все?

– Щи-с, суп-с. Биштекс можно сделать. Да вот на столе записка, – прибавил пологовой, гордо подавая серый лоскуток бумаги.

Иван Васильевич принялся читать:

ОБЕТ:

1. Суп. – Липотаж.

2. Говядина. – Телятина с цидроном.

3. Рыба. – Раки.

4. Соус. – Патиша.

5. Жаркое. – Курица с рысью.

6. Хлебное. – Желе сапельсинов».

На вопрос о винах пологовой тоже с уверенностью отвечал: «Как не быть-с? Все вина есть: шампанское, полушампанское, дри-мандера, лафиты есть. Первейшие вина».

Нечего и говорить, что он сбирал на стол долго, переменял и встряхивал грязные салфетки и что ничего ни есть, ни пить не было возможности. Это, однакож, не помешало Василию Ивановичу есть за троих – русский барин! Лежа на сене и поворачиваясь с боку на бок, Иван Васильевич начал с горя бранить русские гостиницы на немецкий лад и мечтать о заведении гостиницы на русскую статью.

Много хороших фраз отпустил он на этот предмет, но дела, по своему обыкновению, не сказал. Гонясь за теоретическими, отдаленными причинами, он не увидел ближайших, практических. Он никак не может взять в толк, что дело сделано, и воротить его невозможно; что все на Руси, волею или неволею, тянется за

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru европеизмом и коверкает его на монгольскую статью. Иван Васильевич, видно, не бывал в губернских трактирах, где по-русски угощается русский люд: тогда бы он понял, почему все дрянную гостиницу предпочитают хорошему трактиру. А что наши губернские гостиницы скверны, в этом виноваты не отсутствие национального элемента, не подражание внешнему европеизму, а просто-напросто отсутствие конкуренции между заведениями такого рода. В ином губернском городе одна гостиница, и та плоха до невозможности, потому что пуста и редко принимает гостей; а Торжок – уездный город, и в нем две гостиницы, одна сносная, а другая даже порядочная, оттого что, по значительному числу проезжающих, обе могут существовать, не подрывая одна другой. Видите ли, «ларчик просто открывался»; но Иваны Васильевичи не любят простых причин, которые не дают предмета для риторики вычурно-умных фраз.

Отправившись осматривать исторический город, Иван Васильевич, по своему неведению, немного нашел удовольствия в созерцании древностей. Не понимаем, как не догадался он, что люди, живущие среди этой древности, до того равнодушны к ней, что даже не считают за нужное пожалеть, что не имеют о них никакого понятия. А ведь это факт, о котором можно пораздуматься. Тут естественно представляется вопрос: кто виноват в этом равнодушии – люди или древности? Ведь любовь к родному, к древностям, к истории должна быть непосредственная, живая, самородная, а не книжная, не искусственная, и если на что само собою не откликается целое общество, это едва ли стоит изучения и едва ли не немо само по себе... Но если Иван Васильевич ничего не узнал о древностях Владимира, зато хорошо узнал его настоящее положение как губернского города. Вот красноречивый отрывок из его разговора с приятелем:

«– Скажи-ка, что же ты теперь подделываешь?

– Я был четыре года за границей.

– Счастливый человек! А чай, скучно было возвращаться?

– Совсем нет, я с нетерпением ожидал возвращения.

– Право?

– Мне совестно было шататься по белому свету, не зная собственного отечества.

– Как? неужели ты своего отечества не знаешь?

– Не знаю, а хочу знать, хочу учиться.

– Ах, братец, возьми меня в учителя, я это только и знаю.

– Без шуток; я хочу поездить да посмотреть...

– На что же?

– Да на все: на людей и на предметы... во-первых, я хочу видеть все губернские города.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы видеть их жизнь, их различие.

– Да между ними нет различия.

– Как?

– У нас все губернские города похожи друг на друга. Посмотри на один – все будешь знать.

– Быть не может!

– Могу тебя уверить. Везде одна большая улица, один главный магазин, где собираются помещики и покупают шелковые материи для жен и шампанское для себя; потом присутственные места, дворянское собрание, аптека, река, площадь, гостинный двор, два или три фонаря, будки и губернаторский дом.

– Однакож общества не похожи друг на друга.

– Напротив, общества еще более похожи, чем здания.

– Как это?

– А вот как. В каждом губернском городе есть губернатор. Не все губернаторы одинаковы: перед иным бегают квартальные, суетятся секретари, кланяются купцы и мещане, а дворяне дуются с некоторым страхом. Куда он ни явится, является и шампанское – вино, любимое в губерниях, и все пьют с поклонами за многолетие отца губернии... Губернаторы вообще люди образованные и иногда несколько надменные. Они любят давать обеды и благосклонно играют в вист с откупщиками и богатыми помещиками.

– Это дело обыкновенное, – заметил Иван Васильевич.

– Постой. Кроме губернатора, почти в каждом губернском городе есть и губернаторша. Губернаторша – лицо довольно странное. Она обыкновенно образована столичной жизнью и избалована губернским низкопоклонничеством. В первое время она приветлива и учтива; потом ей надоедают непрерывные сплетни, она привыкает к угождениям и начинает их требовать. Тогда она окружает себя голодными дворянками, ссорится с вице-губернаторшей, хвастает Петербургом, презрительно относится о своем губернском круге и, наконец, навлекает на себя общее

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
негодование до самого дня ее отъезда, в какой-то день все забывается, все прощается, и ее провожают со слезами.

– Да два лица не составляют города, – прервал Иван Васильевич.

– Постой, постой! В каждом губернском городе есть еще много лиц: вице-губернатор с супругой, разные председатели с супругами и несчетное число служащих по разным ведомствам. Жены ссорятся между собой на словах, а мужья на бумаге.

Председатели, большею частью люди старые и занятые, с большими крестами на шее, высовываются из присутствия только в табельные дни для поздравления начальства. Прокурор почти всегда человек холостой и завидный жених. Жандармский штаб-офицер – добрый малый. Дворянский предводитель – охотник до собак. Кроме служащих, в каждом городе живут и помещики, обыкновенно скупые или промотавшиеся. Они постигли великую тайну, что как карты созданы для человека, так и человек создан для карт. А потому с утра до вечера, а иногда и с вечера до утра козыряют они себе в пички да в бубандрясы, без малейшей усталости. Разумеется, что и служащие от них не отстают. Ты играешь в вист?

– Нет.

– В преферанс?

– Нет.

– Ну, так тебе и беспокоиться не нужно, ты в губернии пропадешь. Да, может быть, ты жениться хочешь?

– Сохрани бог!

– Так и не заглядывай к нам. Тебя насильно женят. У нас барышень вдоволь. Все они, по природному внушению, поют варламовские романсы и целой шеренгой расхаживают по столовым, где толкуют о московском дворянском собрании. Почти в каждом губернском городе есть вдова с двумя дочерьми, принужденная прозябать в провинции после мнимой блистательной жизни в Петербурге. Прочие дамы обыкновенно над ней смеются, но не менее того стараются попасть в ее партию, потому что в губерниях одни барышни не играют в карты, да и те, правду сказать, играют в дурачки на орехи. Несколько офицеров в отпуску, несколько тунеядцев без состояния и цели, губернский остряк, сочиняющий на всех стишки да прозвания, один старый доктор, двое молодых, архитектор, землемер и иностранный купец заключают городское общество.

– Ну, а образ жизни? – спросил Иван Васильевич.

– Образ жизни довольно скучный. Размен церемонных визитов. Сплетни, карты; карты, сплетни... Иногда встречаешь доброе, радушное семейство, но чаще наталкиваешься на карикатурные ужимки, будто бы подражающие какому-то большому свету. Общих удовольствий почти нет. Зимой назначаются балы в собрании, но по какому-то странному жеманству на эти балы мало ездят, потому что никто не хочет приехать первым. Von genre[8] сидит дома и играет в карты. Вообще я заметил, что когда приедешь нечаянно в губернский город, то это всегда как-то случается накануне, а еще чаще на другой день какого-нибудь замечательного события. Тебя всегда встречают восклицаниями: «Как жаль, что вас тогда-то не было, или что вас тогда-то не будет. Теперь губернатор поехал ревизовать уезды; помещики разъехались по деревням и в городе никого нет». Не всякому дано попасть в благополучные минуты шумного съезда. Такие памятные эпохи бывают только во время выборов и сдачи рекрут, во время сбора полков, а иногда в урожайные годы и во время святок. Самые приятные губернские города, в особенности по мнению барышень, те, в которых военный постой. Где офицеры, там музыка, ученья, танцы, свадьбы, любовные интриги, словом, такое раздолье, что чудо» (стр. 64–68). Сделав такую яркую и верную характеристику губернского города, которая, право, в тысячу раз стоит больше всякой, самой ученой диссертации о гнилых древностях, – приятель Ивана Васильевича рассказывает ему свою историю, по имени которой эта глава названа «простою и глупою историей». Тут много верного и правдивого, хотя в целом рассказе преобладает догматический и нравоучительный тон. Рассказ начинается с определения на службу в Петербург. «Жить в Петербурге и не служить – все равно, что быть в воде и не плавать. Весь Петербург кажется огромным департаментом, и даже строения его глядят министрами, директорами, столоначальниками, с форменными стенами, с вице-мундирными окнами. Кажется, что самые петербургские улицы разделяются, по табели о рангах, на благородные, высокородные и превосходительные» (стр. 72). Но служба не далась приятелю Ивана Васильевича, что он приписал своему невежеству. Странное уничижение!.. «Служба – лестница. По этой лестнице ползают и шагают, карабкаются и прыгают люди зеленого цвета, то толкая друг друга, то срываясь от неосторожности, то зацепляясь за фалды надежного эквилибриста; немногие идут твердо и без помощи. Немногие думают об общей пользе, но каждый думает о своей. Каждый помышляет, как бы схватить крестик, чтоб поважничать перед собратьями, да как бы набить карман потуже. Не думай, впрочем, чтоб петербургские, чиновники брали взятки. Сохрани бог! Не смешивай петербургских чиновников с губернскими. Взятки, братец, дело подлое,

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru опасное и притом не совсем прибыльное. Но мало ли есть проселочных дорог к той же цели. Займы, аферы, акции, облигации, спекуляции... Этим способом при некотором служебном влиянии, при удачной сметливости в делах, состояния точно так же наживаются. Честь спасена, а деньги в кармане» (стр. 72–73). Не понимаем, зачем же, после этого, нужны для службы науки и образование? Тут нужны, напротив, гибкая спина, ловкость акробата и практическая способность приобретать благонамеренным и благородным образом...

Рассказчик пустился в свет. Следуют моральные нападки на гибельную страсть низших сословий тянуться за высшими, бедных за богатыми. Потерянное время, потерянные слова! Сколько ни толкуй знатный ничтожному, сколько ни уверяй богатый бедного, что он, ничтожный, так же осужден судьбою на ничтожество, как он, знатный, определен на знатность; что он, бедный, так же осужден судьбою на нищету, как он, богатый, назначен для богатства, – ничтожный и бедный никогда не будут так глупы, чтоб простодушно поверить подобным уверениям. Никто из земнородных не считает себя ниже и хуже другого, – и лезть наверх, где так спокойно и безопасно, вместо того, чтоб ползти вниз, в грязь, под ноги других, служа им мостовую, – это такой же инстинкт, как пить и есть. Только сильные и богатые убеждены, что хорошо быть слабым и бедным, и то до тех пор только, пока не ослабеют и не обедняют сами; но лишь случись это, они вдруг изменяют свое кровное убеждение. И потому, право, давно бы пора оставить эту риторическую мораль, потому что теперь уже нет таких людей, которые допустили бы убедить себя в ней. Светскость приятеля Ивана Васильевича кончилась тем, что он вконец разорился и, для поправления обстоятельств решился жениться, а для этого еще более стал прикидываться богачом. Но, женившись, он узнал, что и его супруга таким же образом делала спекуляцию, выходя замуж, – жить было им нечем. Ему хотелось в деревню, а она, как женщина образованная и светская, не хотела и слышать о деревне, и потому помирились на Москве, где он попал в особенный кружок, «составляющий в огромном городе нечто вроде маленького досадного городка. Этот городок – городок отставной, отечество усов и венгерок, приют недовольных всякого рода, вертеп самых странных разбоев, горнило самых странных рассказов. В нем живут отставленные и отставные, сердитые, обманутые честолюбием, вообще все люди ленивые и недоброжелательные. Оттого и господствует между ними дух праздности и празднословия, и недаром называют этот город старухой. Ему прежде всего надо болтать, болтать во что бы ни стало. Он расскажет вам, что серый волк гуляет по Кузнецкому мосту и заглядывает во все лавки; он поведает вам на ухо, что турецкий султан усыновил французского короля; он выдумает особую политику, особую Европу, – было бы о чем поболтать» (стр. 80). Очень недурно еще это замечание: «Пороки петербургские происходят от напряженной деятельности, от желания выказаться, от тщеславия и честолюбия; пороки московские происходят от отсутствия деятельности, от недостатка живой цели в жизни, от скуки и тяжелой барской лени» (стр. 83). Насчет жены приятеля Ивана Васильевича пошли по Москве сплетни, за которые он трепал один хохол и одни усы и вызвал их на дуэль. А между тем жить ему с женой было совершенно нечем, потому что он промотал все до копейки. Так как «русский человек крепок задним умом», он тогда только заметил, что у его жены есть и хорошие качества, и что он ее любит; жена его поняла то же в отношении к нему. Вызванные им на дуэль хохол и усы распорядились так, что его за вызов отправили на телеге во Владимир, где он и обрелся под присмотром полиции, а жена его уехала в Петербург к отцу. Этот рассказ произвел на Ивана Васильевича тяжелое впечатление и заставил попризадуматься. Он вспомнил о своем путешествии:

«В Германии удивила меня глупость ученых; в Италии страдал я от холода; во Франции опротивела мне безнравственность и нечистота. Везде нашел я подлую алчность к деньгам, грубое самодовольствие, все признаки испорченности и смешные притязания на совершенство. И поневоле полюбил я тогда Россию и решился посвятить остаток дней на познание своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно.

Только теперь вот вопрос: как ее узнаешь? хватился я сперва за древности, – древностей нет. Думал изучить губернские общества, – губернских обществ нет. Все они, как говорят, форменные. Столичная жизнь – жизнь не русская, перенявшая у Европы и мелочное образование и крупные пороки. Где же искать Россию? Может быть, в простом народе, в простом вседневном быту русской жизни? Но вот я еду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и хоть что хочешь делай, ничего отметить и записать не могу. Окрестность мертвая, земли, земли, земли столько, что глаза устают смотреть, дорога скверная... по дороге идут обозы... мужики ругаются... Вот и все... а там, то смотритель пьян, то тараканы по стенам ползают, то щи сальными свечами пахнут... Ну, можно ли порядочному человеку

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднее то, что на всем огромном пространстве господствует какое-то ужасное однообразие, которое утомляет до чрезвычайности и отдохнуть не даст... Нет ничего нового, ничего неожиданного. Все то же да то же... и завтра будет, как нынче. Здесь станция, а там еще та же станция; {11} здесь староста, который просит на водку, а там опять до бесконечности все старосты, которые просят на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василия Ивановича. Он в самом деле был прав, когда уверял, что мы не путешествуем и что в России путешествовать невозможно. Мы просто едем в Мордасы. Пропали мои впечатления!» (стр. 88–89). Бедный Иван Васильевич! Жалкая карикатура на дон-Кихота! У него голова устроена решительно вверх ногами: там, где земля усеяна развалинами рыцарских замков и готическими соборами, он видел только мельницы и баранов и сражался с ними; а там, где только мельницы и бараны, он ищет рыцарей! В уездном городишке он спрашивал у мужика:

«– А что здесь любопытного?» – Да чему, батюшка, быть любопытному! Кажись, ничего нет. – «Древних строений нет?» – Никак нет-с... Да-бишь... был точно деревянный острог, неча сказать, никуда не годился... да и тот в прошедшем году сгорел. – «Давно, видно, был построен?» – Нет-с, не так давно, а лесом мошенник подрядчик надул совсем. Хорошо, что и сгорел... право-с. – «А много здесь живущих?» – Нашей братии мещан довольно-с, а то служащие только. – «Городничий?» – Да-с, известное дело, городничий, судья, исправник и прочие – весь комплект. – «А как они время проводят?» – В присутствии ходят, пуншты пьют, картишками тешатся... Да-бишь: – теперь у нас за городом цыганский табор, так вот они повадились в табор таскаться. Словно московские баря, или купецкие сынки. Такой кураж, что чудо. Судья на скрипке играет. Артамон Иванович, заседатель, отхватывает впрысядку: ну, и хмельного-то тут не занимать статью... Гуляют себе да и только. Эвтакая, знать, нация» (стр. 90–91).

И вот наши путешественники в таборе. Иван Васильевич прежде всего огорчился, увидев на цыганках жалкие европейские костюмы: такой чудак! Потом он чуть не заплакал с отчаяния, когда цыганки запели не дикую кочевую песню, а русский водевильный романс. Вынув из галстука золотую булавочку, он подарил ее красавице Наташе, с тем, чтоб она ходила в своем национальном костюме и не пела русских песен... Больше этого быть шутком не позволено человеку, и сентиментальное, донкихотское фразерство Ивана Васильевича, в этом смешном поступке, дошло до последних пределов возможного. Что бы он мог еще сделать? – разве жениться на Наташе, заметив в ней какие-нибудь добрые качества... Но довольно и того, что уже сделал он, чтоб Наташа смеялась над ним целую жизнь...

Зато степная натура Василия Ивановича плавала в блаженстве. Он забывал и себя и грозную свою Авдотью Петровну, улыбался, притопывал, прищелкивал, сыпал в жадную толпу двугривенными и четвертаками и прикрикивал: «А вот эту песню, а вот ту», и т. д. Это для него была истинная итальянская опера, единственная, доступная ему. В заключение, он бросил цыганам десятирублевую ассигнацию... Это называется широким размахом русской души, богатством. Иностранец выпьет бутылку шампанского; русский одну выпьет, а другую выльет на пол: из этого некоторые выводят такое следствие, что у людей гниющего Запада мышиные натуры, а у нас – чисто медвежьи...

Эпизод об интриге мещанина с женою частного пристава рассказан с неподражаемым, истинно художественным совершенством и превосходно заканчивает собою картину жизни уездного города...

Теперь послушаем проповедь Ивана Васильевича против русской литературы, до которой, как и до всякой другой, Василию Ивановичу никакой нужды не было; – это, однакож, не помешало его спутнику ораторствовать громко, фразисто, книжно, с надутым восторгом и натянутым негодованием. Подобно Ивану Александровичу Хлестакову, который безграмотным людям объявил решительно, что все, что ни пишется и ни издается в Петербурге, все это – его сочинения, – Иван Васильевич так же решительно объявил безграмотному Василию Ивановичу, что литература теперь везде – торговля и спекуляция, и что «в Европе чистые чувства задушены пороками и расчетом» (стр. 90). Что нужды, что Иван Васильевич, как мы уже видели выше, ничему не учился, ничего не читал и – можно побиться о заклад – понятия не имеет о нравственном движении и литературе современной Европы: ему тем легче корчить судью грозного и неумолимого и изрекать приговоры решительные и неизменные! Ведь Василию Ивановичу, который в этом деле ничего не понимает и совершенно равнодушен к нему, ведь ему все равно, и он не помешает болтать этому витязю, сражающемуся с мельницами и баранами... Всего больше досталось от него русской

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru литературе. Он разделил ее на две литературы: на благородную и подлую, на бескорыстную и торговую, на даровитую и бездарную. «Одна даровитая, но усталая, которая показывается в люди редко, смиренно, иногда с улыбкою на лице, а всего чаще с тяжкою грустью на сердце. Другая наша литература, напротив, кричит на всех перекрестках, чтоб только ее приняли за настоящую русскую литературу и не узнали про настоящую.. Оттого наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются от ее прикосновения, опасаясь быть замешанными в ее странную деятельность» (стр. 111). Вот какие белоручки, подумаешь! Им нельзя писать и действовать потому только, что наша литература, подобно всем литературам в мире, бывшим, сущим и будущим, имеет свои пятна, свои темные стороны! Чтoб они могли писать, для этого нужно сперва настрого запретить писать всем, кто, по их мнению, недостоин писать в то время, когда они сами изволят писать! Иначе они станут появляться на литературном поприще редко и смиренно, чуть не со слезами на глазах, будут удаляться от его прикосновения, опасаясь быть замешанными в его странную деятельность! Иван Васильевич и не подозревает, что подобными обсахаренными и переслащенными комплиментами он делает смешными тех, кого прославляет. Из этого видно, что он и о русской литературе имеет такое же ясное понятие, как о европейской, и что русскую литературу он изучал за границею – по столовым картам в трактирах. У кого есть талант, тот с особенным жаром действует именно тогда, когда в литературе застой, бездарность и дух спекуляции. Только маленькие таланты, или таланты самозванные, прославленные в своем кружке и признанные за гениев своими приятелями, удаляются от литературы в ее бедном, беспомощном состоянии. Если наши таланты, истинные и большие, редко напоминают о себе своими новыми произведениями, – значит, или они ленивы, или им нечего писать, или не о чем писать. Может быть, нашлись бы и другие причины, только совсем не те, о которых декламирует Иван Васильевич... Если уж предположить, что истинный талант может не писать из презрения к настоящему положению литературы, то уж не должен писать совсем и никого не смешить редкими появлениями, как признаками невыдержанного характера. А между тем из живущих теперь литераторов и писателей нет ни одного, который бы хоть изредка не показывался, если уж не с чем-нибудь дельным, то хоть со стихами – ведь привычка другая натура! Когда начиналась «Библиотека для чтения», в нее все бросились со своимикладами, от Пушкина и Жуковского до людей с самыми маленькими именами. Пересчитывать же имена для доказательства, что и теперь пишут все, которые и прежде писали, – труд совсем лишний: нет решительно ни одного имени в подтверждение так нелепо выдуманного Иваном Васильевичем факта... Многим покажется странно, что мы так вооружились против лица, существующего в книге, а не в действительности. В том-то и горе, что Иванов Васильевичей слишком много в действительности; мы недаром говорили, что даровитый автор «Тарантаса» слишком хорошо проник мыслью в тип людей этого рода и так художественно верно воспроизвел его. Эти-то Иваны Васильевичи издавна уже твердят и повторяют, время от времени, будто нашим даровитым писателям то негде печататься, то вовсе нельзя писать по причине торгового и недобросовестного направления литературы, – и мы очень рады случаю отбить охоту у этих господ повторять подобные нелепости. Иван Васильевич в особенности сердит на русскую критику, как в «Горе от ума» Скалозуб сердит на басню, и называет ее «чудовищной неблагопристойностью». {12} Это понятно: мыши не любят кошки. Известное дело, Иваны Васильевичи большие охотники «пописать, иногда прозой, иногда стихами – как выкинется» (как говорит Хлестаков); но критика мешает им попасть в гении, то есть выдавать всякий вздор за удивительные красоты поэзии. Разумеется, и русская критика, подобно всякой отрасли русской литературы, имеет свои пятна и черные стороны; но из этого не следует бросать анафему на всю критику, которая принесла и приносит столько пользы и литературе и публике очищением вкуса, преследованием ложных авторитетов и ложных произведений. Мы понимаем, впрочем, что разумеют Иваны Васильевичи под критикою благородною и благопристойною: критику без убеждений, без принципов, без энергии, без жара, без души, без оригинальности, без таланта, холодную, мелочную, – критику, которая выезжает на общих местах, кадит признанным знаменитостям за все, что бы ни написали они, не смеет признать нового таланта, рабски угождает своей партии и бросает камешки из-за угла только в чужих, – наконец, критику, на которую никто не сердится, которой никто не ненавидит, потому что все презирают ее. Такая критика есть полное выражение слабеньких и пошленьких натур Иванов Васильевичей. Чтoбы хорошенько поразить ненавистную ему критику, Иван Васильевич представляет ее в виде заморского шута, который коверкается перед мужиками, а мужики на него не хотят и смотреть: очень остроумно! жаль только, что нимало не правдоподобно и натянуто, потому что критика пишется не для мужиков, и мужики не имеют ни малейшего понятия о ее существовании. «Русский человек (продолжает декламировать Иван Васильевич), – не отзовется ни на один голос ему незнакомый и непонятный. Ему не то надо, ему

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru давай родные звуки, родные картины, чтоб забилось его сердце, чтоб засветлело в его душе». {13} Что за фраза! какая риторика! Далее Иван Васильевич предлагает решительную меру: выбросить за окошко все, что сделано слишком столетием и что действительно существует, и заменить это тем, что проблематически существует в головах славянофильских... Какой яростный реформатор – ему все нипочем! Сказано – и сделано! В заключение он зовет наших поэтов и писателей в мужицкую избу – набираться там мудрости. Особенно советует он слушать со вниманием слова умирающего мужика: в этих словах, по его убеждению, заключается богатое содержание для литературы... Что за постой человек Иван Васильевич!..

Тарантас повстречал карету, у которой опустилась рессора и лопнула шина. В карете Иван Васильевич узнал русского князя, с которым познакомился за границей. Этот князь варварским русским языком, испещренным галлицизмами, кричит на ямщиков и лакеев и каждому сулит по пятацот палок. «В деревню еду (говорит князь Ивану Васильевичу). Нечего делать. Бурмистр оброка не высылает; чорт их знает, что пишут. Неурожай у них там какой-то, деревня какая-то сгорела. А мне что за дело? Я человек европейский, – я не мешаюсь в дела своих крестьян; пускай живут как хотят, только чтоб деньги доставляли аккуратно. Я их наскрозь знаю. Такие мошенники, что ужаси. Они думают, что я за границей, так они могут меня обманывать. Да я знаю, как надо поступать. Сыновей бурмистра в рекруты, неплательщиков в рабочий дом, возьму весь доход на год вперед, да на зиму в Рим» (стр. 122). К несчастью, портрет этого европейца не совсем неверен; бывают такие. Хуже всего в этих выродках то, что многие добродушные невежды по ним делают свои заключения о русских путешественниках и пользе путешествий вообще. Простодушным невеждам трудно растолковать, что люди бывают всякие: одни, побывав за границей, делают еще хуже и дерутся еще больнее; а другие переменяются к лучшему и научаются уважать человеческое достоинство даже и в своем собственном лакее...

Раз Иван Васильевич был не в духе и, презрительно поглядывая на своего спутника, говорил про себя: «О, дубина, дубина, самовар бестолковый, подьяческая природа, ты сам не что иное, как тарантас, уродливое создание, начиненное дрянными предрассудками, как тарантас начинен перинами. Как тарантас, ты не видишь ничего лучше степи, ничего далее Москвы. Луч просвещения не пробил твоей толстой шкуры. Для тебя искусство сосредоточивается в ветряной мельнице, наука в молотильной машине, а поэзия в ботвинье да в кулебяке. Дела тебе нет до стремления века, до современных европейских задач. Были бы у тебя лишь щи, да баня, да погребец, да тарантас, да плесень твоя деревенская. Дубина ты, Василий Иванович!» (стр. 143). Вся эта филиппика устремлена против Василия Ивановича за то, что он не хотел помедлить в Нижнем и дать оратору время изучать Россию на ярмарке. Но Василий Иванович тотчас же представился своему спутнику совсем с другой стороны – истинным благодетельным помещиком – точь-в-точь как представляют их в дивертиссманах на наших театрах. Тут все дело вертится на любви крестьян к господам, внушенной им уже самою природою, и еще на том, что Авдотья Петровна сама лечит больных простыми средствами. Из всего этого выводится следствие, что все хорошо, как есть, и никаких изменений к лучшему, особенно в иноземном духе, вовсе не нужно. В самом деле, к чему больница и доктор, развращенный познаниями гнилого Запада, – к чему они там, где всякая безграмотная баба умеет лечить простыми средствами?.. Как бы то ни было, но Иван Васильевич (чувствительная душа!) чуть не расплакался при рассказе Василия Ивановича о том, как будет он встречен своими мужиками, которые на радости свидания с бариним предстанут перед его светлые очи, кто с индюком подмышкою, кто с ковригой хлеба. Эта сцена изображена на картине: Василий Иванович с своею полурусскою и полутатарскою физиономиею, а мужички с греческими лицами героев «Илиады», может быть, в ознаменование того, что все мужики – красавцы, и неприятных физиономий между ними не бывает.

В заштатном городе неизвестного звания тарантас изменил доверенности друга своего, Василия Ивановича, и потребовал починки. Кузнец, впрочем, незнакомый с развратным Западом, запросил за починку 50 рублей, а согласился за три целковых. С горя путешественники наши зашли в харчевню выпить чаю. Там сидели купцы, чистые русаки, несколько незнакомые с развращенным Западом. Один из них хвастался, как он купил у проигравшегося в карты помещика скверной муки, смешал ее с хорошею, да и продал в Рыбинске за лучший сорт. «Что ж, коммерческое дело!» – сказал один. – «Оборотец известный», – прибавил другой» (стр. 162). Разумеется, они пили чай, держа блюдечки на растопыренной пятерне, и пот ручьями катился с их физиономий, – но подал ли в блюдечки, об этом автор ничего не говорит. Вообще купцы изображены превосходно, и наблюдательный талант автора

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru торжествует в этом изображении так же, как и везде, где приходится ему изображать. Очень ловко сумел он заставить их высказаться перед Иваном Васильевичем, который думал, что он видит все это во сне – так поражен он был принципами этой особой «коммерции», которая избегает, по возможности, векселей и всяких формальностей и вертится на навыке, рутине, обмане и плутнях. Как ни убеждал он их в превосходстве правильной, систематической европейской коммерции перед этим испорченно-восточным барышничеством на авось, – купцы остались при своем. Один из них, седой, помолчав несколько, сказал:

«– Вы, может быть, кое-что, признательно сказать, и справедливое тут говорите, хош и больно грозное. Да извольте видеть, люди-то мы неграмотные. Делов всех рассудить не в состоянии. Как раз подвернутся французы да аферисты, заведут компании, а там, глядишь, и поклонился капиталу. Чего доброго, в несостоятельные попадешь. Нет уж, батюшка, по старому-то оно не так складно, да ладно. Наш порядок съисстари так ведется. Отцы наши так делали и не промотались, слава богу, и капитал нам оставили. Да вот-с, и мы потрудились на своем веку, и тоже, слава богу, не промотали отцовского благословения, да и детей своих наделили. А дети пуцая делают, как знают. Ихняя будет воля... Да не прикажете ли, сударь, чашечку?»

– Нет, спасибо.

– Одну хоть чашечку.

– Право, не могу...

– Со сливочками!..» (стр. 170).

В большом селе, где был праздник, Иван Васильевич пустился изучать русскую народность, но его аристократический нос беспрестанно отворачивался от народных сцен, которые, как известно, бывают грязноваты не у нас одних. Увидя молодлиц, он поправил на себе пальто и, в надежде верного эффекта, подошел к толпе.

«Однако он ошибся. Здоровая, румяная девка указывала на него довольно нахально, обращаясь к подругам: «Вишь, какой облизанный немец идет!»

Молодицы засмеялись, а парень в красной рубашке вмешался в разговор:

– Эка зубастая Матреха. Смотри, рыло разобью!

Матреха улыбнулась.

– Вишь больно напужал... Озорник этакой. Я и сама так тресну, что сдачи не попросишь» (стр. 220).

Насладившись этою сценою сельской идиллии и рыцарской любезности, наш изыскатель наткнулся на раскольника и попробовал допроситься у мужика, что за секта, много ли у них раскольников, и проч. Но на все свои вопросы получал один ответ: «по старым книгам». Далее пьяный солдат рассказывал, как он ходил под турку и объяснял причину войны тем, что «турецкий салтан, по их немецкому языку, вишь, государь такой, значит, прислал к нашему царю грамоту: я хочу-де, чтоб ты посторонился, а то места не даешь; да изволь-ка еще окрестить всех твоих православных в нашу языческую поганую веру», и проч. (стр. 225). Долго еще бродил Иван Васильевич, много еще видел пьяных сцен, – а народности все не нашел. Мимо его промчался на тройке заседатель, и Иван Васильевич воскликнул: «О чиновники! Уж не вы ли, по привычке к воровству, украли у нас народность!» (стр. 231). Вот что называется с больной-то головы да на здоровую! Уж не чиновники ли, по привычке к воровству, украли у Ивана Васильевича способность смотреть прямо на вещи? Или он не получил ее от природы? Последнее вероятнее...

Как нарочно, при входе в избу, на следующей станции, Иван Васильевич встретил – чиновника. Это был исправляющий должность исправника, выехавший навстречу губернатору. Василий Иванович пригласил его с собою выпить чаю и спросил, давно ли он служит. – С восемьсот четвертого. «А почему вы служите по выборам?» – лукаво спросил его Иван Васильевич. Чиновник объяснил свое жите-бытье очень просто, без риторики – и Ивану Васильевичу от чего-то стало грустно... Народность опять увернулась у него из-под рук. Отдернув занавес стоявшей в стороне кровати, он увидел на ней больного старика с детьми, и первое чувство этого европейца, который так гнушается развратным просвещением Запада, этого либерала, который так любит толковать об отношениях мужика к барину, – первое движение его было – обидеться, что простой станционный смотритель осмелился не встать перед ним, европейцем и либералом 12-го класса!.. Оказалось, что старик давно лишился ног и, по милости начальства, должность за него правит его сын, мальчик лет одиннадцати. Ивану Васильевичу опять стало грустно, и его гнев на чиновников утих.

Въехав в Казань, Иван Васильевич словно помешался: такую дичь понес о Западе и Востоке, притиснувших между собою бедное славянское начало, что у нас решительно

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
нет силы и смелости остановиться на этой декламации, в которой на каждом слове ум за разум заходит. За нее Восток, в лице татар, надул Ивана Васильевича: продал ему за большие деньги разной дряни, которую опытный Василий Иванович не хотел оценить и в 15 рублей ассигнациями.

Но вот мы уже у последней главы, которая оканчивается сном Ивана Васильевича. Это чудный сон: автор истошил в нем всю иронию и чудесно дорисовал им своего миньятюрного дон-Кихота. Вообще, старик Дмитриев сказал о снах великую истину: «Когда же складны сны бывают?»^{14} Прибавьте к этому, что сон этот видится такому человеку, как Иван Васильевич, – и трепещите заранее. А между тем делать нечего – станем бредить с Иваном Васильевичем. Пропускаем подробности, как тарантас обратился в птицу и попал в пещеру с тенями, как мертвые призраки подъячих гнались за Иваном Васильевичем, ругали его подлецом и канальею и хотели растерзать живого. Нам лучше хотелось бы пересказать все, что видел он на земле, мчавшись на тарантасе-птице по воздуху, но не умеем, а выписывать целиком – слишком много. И потому, волею или неволею, пропускаем даже возрождение русского тарантаса на европейскую статью и спешим к встрече Ивана Васильевича с тем князем, который недавно ругал своих людей в сломанной карете. Встреча воспоследовала в Москве, которая, в чудном сне, по своей архитектуре, перещеголяла Италию. «На голове его (князя) была бобровая шапка, стан был плотно схвачен тонким суконным полушубком на собольем меху, а на ногах желтые сафьянные сапоги доказывали, по славянскому обычаю, его дворянское достоинство» (стр. 274). В нравственном отношении князь так же изменился, как и наружно: он уже считает глупостью путешествия... Почему? спросите вы: уж не из патриотизма ли? – Отчасти так. – Но, скажете вы: если в чем всего менее можно упрекнуть англичан, так это в отсутствии или недостатке патриотизма; напротив, их любовь к отечеству переходит даже в недостаток, в порок, в какое-то слепое и фанатическое пристрастие ко всему английскому, – и между тем вся Европа наводнена английскими туристами, особенно Париж и Рим. Это правда, но ведь не забудьте, что за человек Иван Васильевич, и не забудьте, что все это он бредит во сне. Главная же причина, почему князь с гордостью отвергает в русском даже возможность желания путешествовать, состоит в том, что русскому, в эти блаженные времена желтых сафьянных сапожек (как жаль, что эта эпоха не означена цифрами!), что русскому тогда незачем будет ехать ни на запад, ни на восток, ни на юг, ни на север, ибо в огромной России есть свой запад и восток, юг и север. Из этого можно наверное заключить, что в это вожделенное время, которое может только представиться во сне, и то разве какому-нибудь Ивану Васильевичу, в России будет свой Рим, свой Неаполь, свой Везувий, свое Средиземное море, свои Альпы, своя Швейцария, свой Гималаи и Индия, словом, будет все, чего нет теперь и что манит и раздражает любопытство путешественников всех стран. Далее в сию вожделенную желтосапожную эпоху уже не будет существовать между народами братского размена идей, никаких связей торговли, науки, образованности, и новый Гумбольдт уже не поедет к нам изучать природу Уральского хребта!.. Нет, уж лучше бы князь попрежнему проматывался за границую и обнаруживал свой европеизм пятьюстами палок, чем вдаваться в такую дику философию!.. Да! чуть было не забыли мы: в желтосапожную эпоху будет процветать арзамасская школа живописи, которая, вероятно, сменит собою нынешнюю суздальскую.. Князь исчез – и Иван Васильевич очутился в объятиях своего пансионского товарища, – того самого, который на владимирском бульваре рассказывал ему о себе «простую и глупую историю». Этот так же исправился, как и князь, и с своею милою супругою стал идеалом семейного блаженства. Но главная его добродетель в том, что он не завидует богатым и без ума рад, что беден.. Позвольте! опять чуть было не забыли мы одного из самых характеристических обстоятельств желтосапожной эпохи (в которую процветет Торжок, бойко торгующий сафьянными изделиями): в эту желтосафьянную эпоху будут равно отвратительны и тунеядцы, надувающиеся глупой надменностью, и желчные завистники всякого отличия (желтых сапожек?) и всякого успеха (наследства?), и голодная зависть нищей бездарности (стр. 277). Жаль что Иван Васильевич, посетивший во сне эту славянофильскую эпоху, не выглядел в ней ничего насчет зависти нищей даровитости, нищей гениальности: вероятно, таланты и гении будут ходить в красных сапожках, и потому им нечего будет завидовать желтым. Обращаемся к семейному блаженству пансионского товарища Ивана Васильевича.

«– Есть на земле счастье! – сказал Иван Васильевич с вдохновением. – Есть цель в жизни.. и она заключается..»

– Батюшки, батюшки, помогите!.. Беда.. помогите!.. Валимся, падаем!..

Иван Васильевич вдруг почувствовал сильный толчок и, шлепнувшись обо что-то всей своей тяжестью, вдруг проснулся от сильного удара.

– А... что?.. что такое?..

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Батюшки, помогите, умираю! – кричал Василий Иванович: – Кто бы мог подумать... тарантас опрокинулся».

В самом деле, тарантас лежал во рву вверх колесами. Под тарантасом лежал Иван Васильевич, ошеломленный неожиданным падением. Под Иваном Васильевичем лежал Василий Иванович в самом ужасном испуге. Книга путевых впечатлений утонула навеки на дне влажной пропасти. (Туда ей и дорога! скажем мы от себя). Сенька висел вниз головой, зацепясь ногами за козлы...

Один ямщик успел выпутаться из постромок и уже стоял довольно равнодушно у опрокинутого тарантаса... Сперва огляделся он кругом, нет ли где помощи, а потом хладнокровно сказал вопиющему Василию Ивановичу:

«Ничего, ваше благородие!»

Превосходно! Юмор какого бы ни было автора, хотя бы с талантом первой величины, не мог лучше прервать вздорного сна и лучше закончить прекрасной книги... Нельзя не согласиться, что юмор автора «Тарантаса» тем более исполнен глубины и желчи, что он замаскирован удивительным спокойствием, так что местами читателю может казаться, будто автор разделяет образ мыслей своего жалкого и смешного героя, этого маленького дон-Кихота в миньютуре и в карикатуре. Между тем ясно, что эта книга, по ее тонкому и глубокому юмору, принадлежит к разряду книг вроде «*Epistolae obscurorum Virorum*», «Писем Юния» и «*Lettres Persanes*» Монтескье.^{15} Славянофилы, в лице Ивана Васильевича, получили в ней страшный удар, потому что ничего нет в мире страшнее смешного; смешное – казнь уродливых нелепостей. Как! эти люди... но оставим людей и поговорим об одном человеке – об Иване Васильевиче... Как! этот человек с жидкою натурой, слабою головою, без энергии, без знаний, без опытности, с одной мечтательностью, с одними пошлыми фантазиями, мог вообразить, что он нашел дорогу, на которую Россия должна своротить с пути, указанного ей ее великим преобразователем!.. Комары, мошки хотят поправлять и переделывать громадное здание, сооруженное исполином!.. Близорукие, косые, кривые и слепые, они хотят заглядывать в будущее и думают видеть его так же ясно, как и настоящее! Их маленькому самолюбию не приходит в голову, что и настоящее – то в их голове отражается неверно, как в кривом или разбитом зеркале. Головы, устроенные вверх ногами, они мыслят вечно задним числом, и если им удастся заметить кое-что такое, что всем бросается в глаза и что на всех производит грустное и тяжелое впечатление, – они ждут исцеления не от будущего, но, вычеркивая настоящее (как будто бы его вовсе не было или как будто бы оно не есть необходимый результат прошедшего), обращаются к давно прошедшему, которого или вовсе не знают, или плохо знают, смотря на него в очки своей фантазии, – и посредством какого-то невозможного, чудовищного salto mortale^[9] хотят выдвинуть это давно прошедшее, мимо настоящего, прямо в будущее... Не понимая современного, не будучи гражданами никакой эпохи, никакого времени (потому что кто живет вне настоящего, современного, тот нигде не живет), новые дон-Кихоты, они сочинили себе одно из тех нелепых убеждений, которые так близки к толкам старообрядческих сект, основанных на мертвом понимании мертвой буквы, и из этого убеждения сделали себе новую Дульцинею тобозскую, ломают за нее перья и льют чернила. Не понимая, что у них нет и не может быть противников (потому что невинное помешательство пользуется счастливою привилегиею не иметь врагов), – они выдумывают, ищут себе врагов, и думают видеть главного своего врага в просвещении Запада; но Запад не хочет и знать о их существовании, он идет себе, куда указало ему провидение, не замечая ни их бумажных шлемов, ни их деревянных копий... Подобные нелепости давно уже требовали одной из тех жестоких и бьющих насмерть сатир, которыми может поражать только художественный талант... «Тарантас» графа Соллогуба явился такою сатирою, исполненною ума, остроумия, мысли, юмора, художественности.

Мы все сказали. Прощайте же, Иван Васильевич! Спасибо вам: вы заняли нас, вы и посердили, и позабавили нас на свой счет. Прощайте, смешной и жалкий дон-Кихот! Вечное спасибо вам за то, что вы сказали всему свету, как зовутся по имени и по отчеству люди известного разряда: их зовут Иванами Васильевичами...

Прощай, «Тарантас»! прощай, книга умная, даровитая и – что всего важнее – книга дельная! Благодарим тебя за наслаждения, которыми подарила ты нас и которых, вероятно, долго, долго не дождаться нам, потому что такие книги и не у нас редко появляются...

Примечания

«Отечественные записки», 1845, т. XL, № 6, отд. V, стр. 29–62 (ценз. разр. около
Страница 24

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
31 мая 1845). Без подписи.

В обзоре «Русская литература в 1845 году» Белинский говорит о настоящей статье, что она была понята двояко: «Одни приняли ее за восторженную и неумеренную похвалу, другие – за что-то вроде памфлета». В действительности это был, конечно, памфлет – беспощадно злой, бичующий противника с не меньшей силой, чем в свое время Шевырева в «Педанте». Недаром Белинский поставил рядом статью о «Тарантасе» и «Педанта», когда писал В. П. Боткину: «Если мне удалось в жизнь мою написать статей пяток, в которых ирония играет видимую роль и с большим или меньшим умением выдержана, это произошло не от спокойствия, а от крайней степени бешенства, породившего своею сосредоточенностью другую крайность – спокойствие. Когда я писал тип на Шевырку и статью о «Тарантасе», я был не красен, а бледен, и у меня сохло во рту, отчего на губах и не было пены» (28 февраля 1847 г., «Письма», т. III, стр. 184).

Статья о «Тарантасе» является одним из важнейших этапов в истории борьбы Белинского с славянофильством. Выделяя всюду курсивом имя героя книги Ивана Васильевича, Белинский недвусмысленно намекал на одного из вождей славянофильства И. В. Киреевского; но вместе с тем он придавал этому имени широкий обобщающий смысл, бичуя в лице этого «маленького дон-Кихота» реакционную антинародную сущность всего славянофильства в целом: их любовь к России – это всего лишь «новая мечта празднующейся фантазии», их толки о народе и изучении его жизни – это всего лишь пустые фразы, прикрывающие барское пренебрежение к действительным нуждам народа; идея о гармоничной связи между баринном и мужиком полностью разоблачает реакционно-утопический смысл теорий славянофильства. Саркастический разбор фантастического сна Ивана Васильевича с его мечтами о «желтосафьянной эпохе» достойно увенчивает всю статью.

Попутно с критикой славянофильства Белинский высказывает ряд замечательных положений по общим вопросам литературы. Особенно важен его тезис о том, что художественное произведение должно быть проникнуто духом современности, давать толчок общественному сознанию, будить вопросы или решать их: «Наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем, – писал Белинский. – Как во все критические эпохи, эпохи разложения жизни, отрицания старого при одном предчувствии нового, – теперь искусство – не господин, а раб: оно служит посторонним для него целям». Несмотря на подчеркнуто полемический характер этой формулы, по существу она глубоко верна, поскольку в ней подчеркнута идея общественного назначения искусства. Естественно, что в отношении критики Белинский делает вполне закономерный вывод об односторонности художественной, чисто эстетической критики.

Необходимо остановиться на отношении Белинского к автору повести В. А. Соллогубу. Белинский положительно отзывался о таланте Соллогуба и ставил его в число первых писателей начального периода формирования «натуральной школы». Однако по мере роста демократических тенденций в творчестве писателей школы Соллогуб отходит от нее. К 1845 году расхождение стало довольно ясным: в самом «Тарантасе» это привело к противоречивому смешению иронии по адресу славянофилов с апологией крепостнических отношений, к выражению реакционно-дворянских идей в отношении литературы, критики, воспитания и т. д.

Белинский в первоначальной рецензии на «Тарантас» (см. примеч. 439 в наст. томе) выдвигал на первый план именно эти противоречия автора. Но к моменту написания настоящей статьи замысел его существенно изменился. Он решил истолковать книгу Соллогуба как сатиру, сделав тем самым ее автора своим союзником в деле разоблачения славянофильства. Это не помешало Белинскому в своей статье подвергнуть резкой критике аристократические предрассудки писателя. Характерно, что сам Соллогуб сразу почувствовал иронию, скрытую за похвалами по его адресу. Об этом свидетельствует известный рассказ И. И. Панаева о встрече Соллогуба с Белинским через два дня после появления статьи о «Тарантасе» (И. И. Панаев, «Воспоминания», л. 1933, стр. 351).

В многочисленных цитатах из «Тарантаса» у Белинского встречается ряд неточностей, в большинстве случаев незначительных. В комментариях мы отмечаем только наиболее существенные из них.

Сноски

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

1

Так, например, в альманахе «Вчера и сегодня» публика прочла два отрывка из двух сочинений в прозе, начатых Лермонтовым, и прекрасный юмористический рассказ графа Соллогуба «Собачка».{16}

2

По должности. – Ред.

3

Навязчивой идеей. – Ред.

4

Отступник. – Ред.

5

Иван Васильевич, еще полный парижских впечатлений, напевает арию из оперы Беллини «Пират». – Ред.

6

Ловкий фокус. – Ред.

7

Там же. – Ред.

8

Люди хорошего тона. – Ред.

9

Акробатического прыжка. – Ред.

Комментарии

1

Краткая рецензия на «Тарантас» была напечатана в «Отечественных записках», 1845, т. XXXIX, № 4, отд. VI, стр. 19–20. (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 279–280.)

2

Из басни Крылова «Рыбы пляски».

3

Малек-Адель – герой широко популярного романа г-жи Коттен «Матильда» (1805), в котором на фоне событий крестовых походов изображалась пламенная любовь турецкого рыцаря-военачальника Малек-Аделя к Матильде, сестре Ричарда Львиное сердце. Eugene de Rothelin – герой одноименного романа маркизы де-Суза (1808), рисовавшего галантные нравы французской аристократии XVIII века.

4

У Белинского пропущена ссылка на страницы «Тарантаса» в изд. 1845 года (10–12).

5

«Тарантас», стр. 26.

6

В журнале опечатка, нужно: стр. 29.

7

Из басни И. А. Крылова «Щука и Кот».

8

В тексте «Тарантаса» – «нам не будет лошадей».

9

Намек на отзыв Булгарина о «Тарантасе» («Северная пчела», 1845, № 73, стр. 291).

10

В тексте «Тарантаса» – «зацепясь».

11

В тексте «Тарантаса» эта фраза читается так: «Здесь станция, там опять та же станция, а там еще та же станция».

12

Белинский здесь неточен: «Сердит на басни» в «Горе от ума» не Скалозуб, а Загорецкий (д. III, явл. 22).

13

Цитата со стр. 113 «Тарантаса».

14

Белинский вспомнил «Эпиграмму» И. И. Дмитриева (1782):

За что Ликаста осуждают?
Что вяло пишет он?..
Им издан только... «СОН».
Когда же складны сны бывают!

15

Последовательно проводя принятое им в настоящей статье истолкование «Тарантаса» как сатирического произведения, памфлета, Белинский сопоставляет его с памятниками мировой литературы, относящимися к тому же жанру: «Письма темных

Тарантас. Путевые впечатления. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru людей» («*Epistolae obscurorum virorum*») – памфлет против врагов гуманизма, написанный Кротом Рубианом и Ульрихом фон-Гуттенем (издан в 1515–1517 гг.); «Письма Юния» – политический памфлет неизвестного автора, изданный в Лондоне в 1769–1773 гг.; «Персидские письма» Монтескье («*Lettres persanes*», 1721) сатирическое изображение общественной и политической жизни Франции XVII–XVIII вв. (были впервые переведены на русский язык А. Д. Кантемиром).

16 Первая книга литературного сборника, составленного графом В. А. Соллогубом, «Вчера и сегодня» вышла в свет в 1845 году. Незаконченные отрывки из повестей Лермонтова, здесь напечатанные: «У графини В... был музыкальный вечер...» и «Я хочу рассказать нам...». Рассказ Соллогуба «Собачка», выразительно рисующий нравы уездных чиновников, был написан на основе устных воспоминаний М. С. Щепкина.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!